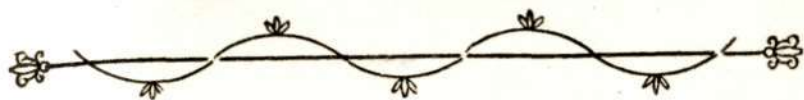

Бернов. Театр франквизина ..

или

РУССКИЕ КЛАССИКИ и ТЕАТР

Государственное Издательство

«ИСКУССТВО»

ленинград 1947 москва

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ТЕАТРА И МУЗЫКИ

Редактор *Евг. Кузнецов.*

Переплет и титул *Т. С. Цейберг*

Подл. в печать 3/VII-46 г. Объем 23 $\frac{1}{4}$ п. л. М. 04808. Тираж 5000.

„Искусство“ № 3027. Зак. 526.

21 типография им. Ивана Федорова, треста „Полиграфкнига“ ОГИЗ'а
при Совете Министров СССР.

ТЕАТР ФОНВИЗИНА

И

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

И. Н. ВЕРКОВ

1

В русской литературе второй половины XVIII в., если за одну вершину ее принять Ломоносова, а за другую — Радищева, вслед за этими двумя писателями наиболее значительным и интересным является безусловно Денис Иванович Фонвизин. Уступая в непосредственности художественного чутья Державину и в энергии общественного деятеля Новикову, Фонвизин превосходил их обоих широтой и остротой общественно-политической мысли, силой глубокого анализа русской и европейской действительности и сознательностью подхода к «подражанию натуре». Ставя свое литературное творчество на службу «общему благу», Фонвизин вслед за Кантемиром и Ломоносовым развивал и формировал то понимание идеи «честного писателя», которое XVIII в. завещал последующим столетиям и которое с такой глубиной и полнотой было осуществлено в наше уже время М. Горьким, В. Маяковским, Н. Островским.

Идея «честного писателя» была движущим нервом всей литературной и театральной деятельности Фонвизина. Именно ей обязан он своими лучшими достижениями в области сатиры, в области политической мысли, наконец, в разработке, или — с большим правом — в создании оригинальной

русской комедии. «Фонвизиним, — писал М. Горький в «Истории русской литературы», — начата великолепнейшая и, может быть, наиболее социально плодотворная линия русской литературы — линия обличительно-реалистическая». При всей суммарности этого определения оно с достаточной точностью характеризует историко-литературное и общественное значение автора «Бригадира» и «Недоросля». Однако оно не исчерпывает всего того вклада в историю русской культуры, который был сделан Фонвизиним. Широко отмеченный нашей страной двухсотлетний юбилей со дня рождения Фонвизина дает достаточно обоснованный повод для обзора жизни и деятельности великого русского драматурга XVIII в.

2

Денис Иванович Фонвизин родился в Москве в старинной дворянской семье. Один из его предков, Петр Фон-Визин с сыном Денисом, был взят при Иване Грозном в плен во время войны с Ливонией (1563—1570). Денис Петрович Фон-Визин участвовал в обороне Москвы при царе Михаиле Федоровиче и за свою доблесть был награжден грамотой. Потомки его были служилыми дворянами и к началу XVIII в. совершенно слились с русской дворянской массой.

Более подробные сведения дошли до нашего времени об отце писателя, Иване Андреевиче Фон-Визине, который, повидимому, родился в 1705 г. и умер в 1786 г. в возрасте 81 года. Д. И. Фонвизин с любовью вспоминает о своем отце и характеризует его прямодушие, честность, самоотверженную любовь к брату и другие положительные качества, отмечая в то же время и его вспыльчивость. Когда в «Недоросле» Стародум говорит о своем отце, можно предположить, что в этой характеристике есть некоторые автобиографические черты. По словам Фонвизина, отец его был человеком религиозным и в таком же духе воспитывал своих детей. Впрочем, все эти данные содержатся в автобиографии Фонвизина, написанной, вероятно, в 1790—1791 гг. после дела Радищева и преследовавшей цель представить всю жизнь автора «Недоросля» в более благонадежном и приемлемом для враждебной ему Екатерины свете. Поэтому не во всем можно доверять этому «чистосердечному признанию» Фонвизина «в делах и помышлениях».

Точная дата рождения Д. И. Фонвизина нам неизвестна. Метрические записи в церковных книгах были введены в России лишь в последней четверти XVIII в., поэтому времени рождения большинства писателей этого века мы не знаем: Ломоносов, говорят, родился не то в 1708, не то в 1710, не то в 1711 г., Сумароков — в 1717 или в 1718 г., Крылов — в 1768 или 1769 г. Единственное, до известной степени документальное, свидетельство о времени рождения Фонвизина — это его надгробная плита, но она-то и является как раз источником, более запутывающим, чем разъясняющим дело: на ней указано, что Фонвизин «родился 3 апреля 1745 г., умер 1 декабря 1792 г., жил 48 лет, 7 месяцев, 28 дней».¹ Так как дата смерти Фонвизина не подлежит сомнению, то приходится предположить, что либо неправильна дата рождения, не 1745, а 1743 г.; либо неверно указание на продолжительность его жизни, не 48, а 46 лет. Между тем, в самом начале «Чистосердечного признания», которое было написано не позднее первой половины 1792 г., а может быть, на год-другой раньше, Фонвизин указывает, что приближается к 50-летнему возрасту. Таким образом, с большей степенью вероятности можно считать, что Фонвизин родился в 1743 г.²

В 1755 г. он, вместе с братом Павлом (о дате рождения которого также существует два указания—1744 и 1746 г.), поступает в новооткрытую гимназию при Московском университете. В своих «Чистосердечных признаниях» Фонвизин в крайне невыгодном свете рисует преподавателей и систему преподавания в университетской гимназии.

Несмотря на сделанные оговорки, Фонвизин все же признает большое значение своего учения в университете: «Как бы то ни было, я должен с благодарностью воспоминать университет. Ибо в нем обучась по-латыни, положил основание некоторым моим знаниям. В нем научился я довольно немецкому языку, а паче всего в нем получил я вкус к словесным наукам».

В своих «Чистосердечных признаниях» Фонвизин сообщает, что за успехи в науках он получил медаль и был, вместе с другими, пользуясь современным языком, отличниками,

¹ Петербургский некрополь. Спб. 1913, т. IV, стр. 376.

² Кн. А. Б. Лобанов-Ростовский в своей «Русской родословной книге» (изд. 2. Спб. 1895, т. II, стр. 312), не приводя, по принятому им обычаю, источника, также указывает 3 апреля 1743 г. как дату рождения Фонвизина.

повезен директором университета в Петербург для представления куратору, И. И. Шувалову. Во время своего пребывания в Петербурге Фонвизин посетил театр, который произвел на него сильнейшее впечатление: «Ничто, — писал он, — в Петербурге так меня не восхищало, как театр, который я увидел в первый раз отроду. Играли русскую комедию, как теперь помню, «Генрих и Пернилла»... Действия, произведенного во мне театром, почти описать невозможно...» Биографы Фонвизина, опираясь на только что приведенную цитату, приурочивают изложенный факт к 1760 г., т. к. известно из ряда источников, что комедия Гольберга «Генрих и Пернилла» в переводе «маэора Андрея Нартова» была впервые поставлена на сцене российского придворного театра 27 января 1760 г. Между тем на другое важное замечание Фонвизина в той же цитате не обращалось вовсе внимания, а именно на то, что он театр «увидел в первый раз отроду». Вероятно, занося свои воспоминания через 30 с лишним лет, все же Фонвизин ошибся в названии виденной пьесы. Ведь в конце 1757 г. в Москве уже существовал театр, о чем подробнее будет сказано ниже, и в этом театре играл сам Фонвизин; таким образом, он не мог бы даже через 30 лет забыть такой важный факт, что до поездки в Петербург ему пришлось не только видеть театральные представления, но и принимать в них участие. Поэтому приходится с большей степенью вероятности предположить, что Фонвизин правильно указал в «Чистосердечном признании», что видел в Петербурге театр впервые, а название пьесы спутал. Биографы Фонвизина отмечают, что вообще он получал медали «за успехи в науках» трижды: в 1756, в 1759 и 1761 гг. Исходя из того обстоятельства, что в 1757 г. в Москве уже функционировал театр, следует считать, что поездка Фонвизина в Петербург была связана с награждением медалью в 1756 г., а состоялась она, вероятно, в начале 1757 г., «зимою», как пишет Фонвизин. Дело в том, что в январе 1757 г. на придворном театре была поставлена комедия Гольберга «Гордость и бедность», с которой, очевидно, и спутал Фонвизин в своих мемуарах другую комедию того же автора, «Генрих и Пернилла», поставленную тремя годами позднее.

Театральные впечатления московского студента были глубокими и сильными. Выше была приведена общая оценка, данная Фонвизиним этому эпизоду в его жизни. «Тут видел я Шумского, — писал он далее, — который шутками своими так меня смешил, что я, потеряв благопристойность,

хохотал изо всей силы... Комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актеров — великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы мое благополучие. Я с ума было сошел от радости, узнав, что сии комедианты вхожи в дом дядюшки моего, у которого я жил». Здесь Фонвизин познакомился с лучшими нашими актерами того времени: Федором Волковым и И. А. Дмитриевским; это знакомство не могло не усилить интереса Фонвизина к театру.

Может быть, именно в связи с пребыванием московских студентов в 1756—1757 гг. в Петербурге и увлечением их театром находится возникновение т. наз. «Московского университетского театра». Об этом театре имеются в литературе очень неполные и сбивчивые сведения. Повидимому, дело обстояло так: во второй половине 1757 г. в стенах Московского университета образуется любительская труппа, действовавшая под руководством М. М. Хераскова. По словам П. Н. Арапова, «московская труппа первоначально состояла из университетских студентов; лучшие актеры из них были Иаков Иванович Булгаков и Денис Иванович Фонвизин (последний начал свое поприще актером и потом уже явился сочинителем)». ¹ Указание Арапова подтверждается свидетельством современника, А. С. Хвостова, язвительно перечислявшего в своем «Послании к творцу послания, или копии к оригиналу» (1782) литературные и иные ошибки Фонвизина:

«Актером вздумал быть? Все знают, как играл». ²

Документальных данных о репертуаре Московского университетского театра не сохранилось, и лишь косвенными путями можно судить о нем. Одним из таких способов установления этого репертуара является анализ печатавшихся в 1758—1761 гг. в Москве театральных произведений. Тут мы находим трагедию и комедию Хераскова, переводы с итальянского Е. Булатницкого и А. Карина; вероятно, не всё переводившееся и ставившееся на сцене печаталось. Несомненно также, что ставились и пьесы Петербургского придворного театра и в первую очередь драматические произведения Сумарокова. Таким образом, Фонвизин вошел в гущу театральной жизни того времени и, конечно, разбирался в особенностях петербургской и московской драматургии.

Вероятно, к началу 1760 гг. первое увлечение театром,

¹ Арапов, П. Н. Летопись русского театра. СПб. 1861, стр. 56.

² Вяземский, П. А. Фонвизин. СПб. 1848, стр. 332.

вернее, актерской игрой проходит у Фонвизина, и начинают-ся его литературные занятия. По крайней мере, о его попытках в области словесности до 1760 г. нам ничего неизвестно. Возможно все же, что кое-какие произведения, и скорее всего стихотворные, конца 1750-х гг. существовали, так как в «Чистосердечном признании» Фонвизин отмечал: «Склонность моя к писанию являлась еще в младенчестве, и я, упражняясь в переводах на российский язык, достиг до юношеского возраста».¹

Первая переводная статья Фонвизина «Правосудный Юпитер» была напечатана в 1761 г. в журнале «Полезное увеселение», выпускавшемся поэтом Херасковым, являвшемся в то время ассессором университета по учебной части. В том же 1761 г. были выпущены в свет переведенные Фонвизиним басни датского драматурга Людвиг Гольберга, а в следующем году Фонвизин принимает энергичное участие в журнале «Собрание лучших сочинений», издававшемся профессором Рейхелем, очень основательно и разносторонне образованным ученым.

К концу 1750-х и началу 1760-х годов относятся частью дошедшие, частью утраченные сатирические произведения Фонвизина. Впоследствии в своем покаянном «Чистосердечном признании» он писал: «Весьма рано появилась во мне склонность к сатире. Острые слова мои носились по Москве, а как они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным мальчишкою; все же те, коих острые слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезным и в обществе приятным... Меня стали скоро бояться, потом ненавидеть, и я, вместо того, чтобы привлечь к себе людей, отгонял их от себя и словами и пером. Сочинения мои были острые ругательства...»

Из всего того, что было написано Фонвизиним в это время и, повидимому, в довольно значительном объеме, до нас дошло несколько немногочисленных обрывков. Такого, например, «Послание к Ямщикову», не сохранившееся полностью,² такова сатира «К уму моему», также дошедшая до

¹ Сочинения, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина. Под ред. П. А. Ефремова. Спб. 1866, стр. 534. В дальнейшем ссылки делаются на это издание, за исключением особо оговоренных случаев.

² Малоубедительные соображения об этом стихотворении см. в брошюре В. П. Семенникова, Фонвизин и два стихотворения — «Чертик на дрожках» и «Матюшка-разнощик». Спб. 1914, стр. 12 (Оттиск из журн. «Русский библиофил», 1914, № 4).

нас без конца эпиграмма «О, Клим! Дела твои велики!», басня «Лисица-казнодей». Между тем современники Фонвизина свидетельствуют, что он «написал много острых и весьма хороших стихотворений».

Среди сохранившихся стихотворных произведений Фонвизина останавливает на себе внимание басня «Лисица-казнодей», написанная несомненно после смерти Елизаветы Петровны (25 декабря 1761 г.) в связи с появлением обильного количества надгробных речей и од, имевших неумеренно льстивый характер. Едкая сатирическая басня студента Фонвизина переносит нас в Ливийскую сторону, где в большом лесу скончался звериный царь Лев. Лисица-казнодей (проповедник) «с смиренной харею, в монашеском наряде, взяв стаясь на кафедру», произносит погребальное слово, в котором превозносит умершего «кроткого владыку», «премудрейшего из всех лесных царей», «своим рабам отца». Она восклицает с пафосом:

В его правление невинность не страдала,
И правда на суде бесстрашно председа-
ла,
Он скотолобие в душе своей питал,
В нем трона своего подпору почитал,
Был в области своей порядка насадитель,
Художеств и наук был друг и покровитель.

При этих словах Лисицы Крот шепнул стоявшей рядом с ним Собаке:

О лесь подлейшая...
Я знал Льва коротко: он был пресуший скот,
И зод, и бестолков, и силой вышней власти
Он только насыщал свои тирански страсти.
Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей.
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи;
И словом так была юстиция строга,
Что кто кого смога, так тот того в рога.

Указав далее, что в результате политики Льва благоразумный Слон удалился из леса в степь, что домостроитель Бобр разорился от пошлин, а живописец, слабоумный Пифик (обезьяна), «за то, что в жизнь свою трудился, сколько мог,

с тоски и голоду третьёго дни издох». Крот с горечью заключает:

Вот мудрого царя правление похвально!

и негодуя восклицает:

Возможно ль ложь сплестать столь явно и нахально?

В ответ Кроту

Собака молвила: чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстят подлые скоты?
Когда же то тебя так сильно изумляет,
Что низка тварь корысть всему предпочитает
И к счастью бредет презренными путями,
Так, видно, никогда ты не жил меж людьми.

Пока не установлено еще, против кого персонально обращена басня Фонвизина, против определенного ли светского оратора, или какого-либо духовного проповедника, против ли тогдашних одописцев, — не подлежит, во всяком случае, сомнению то, что басня эта написана не ради острословия, а как выражение возмущенного гражданского чувства, как выражение возмущения политикой российских самодержцев и их панегиристами. Необходимо отметить, что в «Лисице-казнодее» мы впервые сталкиваемся с отрицательной оценкой Фонвизиним системы фаворитизма, столь распространенной вообще в XVIII в., в частности — в царствование Елизаветы Петровны:

В его [льва] правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей кевинных кожи.

В 1762 г. вышел в свет первый том переведенного Фонвизиним романа аббата Террассона «Геройская добродетель и жизнь Сифа, царя египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая». Роман этот был выбран Фонвизиним не случайно: «Сиф» был одним из наиболее прославленных европейских «политических» романов XVIII в., следуя непосредственно за широко популярными «Аргенидой» Дж. Барклея (или Барклая, как его называли у нас, воспринимая его фамилию в латинизированной форме) и «Похождениями Телемака» Фенелона. В рецензии на фонвизинский перевод «Сифа»

Рейхель ставил роман Террассона даже выше двух названных произведений.

Аббат Жан Террассон (1670—1750) был заметным в свое время профессором философии в Коллеж-де-Франс, членом парижской Академии Наук, Академии надписей и словесности и Французской Академии, видным писателем-просветителем. Среди его многочисленных произведений особенным успехом, как было уже указано выше, пользовался роман «Сиф. История или жизнь, почерпнутая из неизданных памятников древнего Египта» (1731, 3 тома). Написанный почти за сто лет до расшифровки гениальным Шампольоном египетских иероглифов, «Сиф» Террассона представлял добросовестную сводку данных по истории и культуре древнего Египта, сохранившихся в античных и иных источниках, но в еще большей степени это был «политический роман» типа Фенелонова «Телемака». Сперва «Сиф» вызвал ожесточенную критику, а также непристойную эпиграмму Вольтера, от которой сохранился только заключительный стих:

Бей, бей его сильней, он „Сифа“ написал.

Впрочем, позднее Вольтер признавал, что в романе Террассона имеются хорошие места. Даламбер отнесся к «Сифу» восторженно; в особенности понравился ему портрет египетской царицы; по поводу последнего Даламбер писал: «Это — портрет, которому удивился бы Тацит и чтение которого Платон рекомендовал бы царям». Содержание романа составляет описание воспитания Сифа его наставником Амедесом, а затем подвиги Сифа на военном поприще и успехи в качестве законодателя. Страницы, излагающие наставления Амедеса Сифу, представляют большой интерес как программные документы прогрессивного просвещенного абсолютизма.

Было бы поэтому неправильно думать, что работа Фонвизина над переводом романа Террассона имела только узко литературный характер и не оставила следа на духовном развитии юноши. Нет сомнения, что длительное соприкосновение молодого переводчика с прогрессивным произведением французского философа¹ вовлекло его в круг просветительных идей, а это не могло, конечно, не отразиться в дальнейшем на формировании политического мировоззрения Фонви-

¹ Фонвизин переводил „Сифа“ с 1762 по 1768 г. Последняя, IV часть, вышла в 1768 г.

зна. По существу основная идея «Сифа» это вопрос — что такое идеальный монарх. Уже в первом томе «Геройской доблести и жизни Сифа, царя египетского», переведенном и изданном Фонвизиним в 1762 г., находятся любопытные места, трактующие проблему идеального царя и касающиеся попутно других вопросов, неизбежно наталкивавших на сопоставления с русской действительностью XVIII в. Таково, например, место в романе, где воспитатель Сифа, Амедес, обращает внимание своего ученика, любующегося величественными пирамидами, на мучения их строителей. «Подумай, любезный принц, — отвечал ему Амедес, — какого оно труда стоило тем, кои собственными руками его созидали... Вы видите, сколь великое было пролитие здесь крови и пота бесчисленного множества людей, определенных к сему созидаанию, и сколь многие тысячи здесь бедно свой живот окончили». Далее Амедес упрекает героя Сезостриса за то, что тот пытался оправдать себя тем, что строил знаменитые здания в Фивах руками чужестранных невольников: «Виновы ли они в том, что они невольники?» — спрашивает Амедес-Террассон и, несомненно наталкивая читателя на сопоставление египетского невольника с крепостным крестьянином, сентенциозно и, в то же время, педагогично наставляет Сифа и через него своих читателей: «Для того-то надлежит помнить, что мы все люди, и не отягощать трудами подданных, ниже не доводить небрежением их до опасности, разве в крайнейшей нужде». В том же самом разговоре Амедеса с Сифом проводится мысль, что целью деятельности царя должна быть слава государства и благополучие народа. Несколько ниже в том же первом томе «Сифа» находится интересное рассуждение о том, что такое истинно просвещенный человек. По мнению Террассона, «просвещенный есть новорожденный человек, в котором любовь к добродетели и должности взяла место всех склонностей, кои прежде в нем действовали: при всех случаях видно будет, что делает он то, что делать должен». Эта идея долга, которая позднее займет столь значительное место в системе этических взглядов Стародума, излюбленного героя Фонвизина, подробно и настойчиво разрабатывается в «Сифе»: «Побудительная причина просвещенного есть призывающий глас своей должности, а исполнение оной истинное его намерение... В каком бы высоком состоянии по природе своей или счастью ни был, но он почитает себя учрежденным для услуг своему отечеству, или, когда возможно, всему челове-

ческому роду». В самом конце первого тома приводятся три вопроса, заданные Сифу для размышления во время девятидневного испытания уединением и молчанием: 1) которая есть знатнейшая геройская добродетель? 2) состоит ли она в преступлении пределов своей должности? 3) герою посвящать славу свою благополучию ли отечества, или пользе всего человеческого рода?

Не касаясь содержания всего романа Террассона, остановимся лишь на ответе Сифа на предложенные ему задачи. Он считает, что для каждого разряда людей есть своя высшая добродетель: «Сия добродетель в подданном или гражданине почитается любовью к своему государю и отечеству, соединенною с простым повиновением; во владеющем же государе или князе республики бывает она любовью к народу своему, просвещаемому... справедливостию. В герое же бывает она любовью ко всем людям, то есть, дружелюбием, которое происходит от ревности, полагающейся в несомненной надежде на помощь богов; итак сие дружелюбие, сия ревностная любовь к человеческому роду есть поистине первейшая геройская добродетель». Настоящий герой, по мнению Террассона, страшится преступить границы своей «должности», т. е. своего долга. «Важнейшая добродетель не в чрезвычайных делах, но в совершенном исполнении наложенной на него (героя) должности состоит; должность его простирается столь далеко, как то требует общее блаженство, а оное определяет ей всегда границы, из коих она выходить не должна». На третий вопрос Сиф дает ответ не в альтернативной, а в синтезирующей форме, утверждая, что «истинный герой, не желая суетной славы, служит отечеству и человеческому роду».

Подобного рода суждения не стоят в «Сифе» особняком, и поэтому понятно, почему Фонвизин с 1762 г. по 1768 г. занимался переводом романа аббата Террассона, а в 1787—1788 гг. переиздает его вновь. Было бы неверно выводить всю совокупность общественно-политических и этических воззрений Фонвизина из «Геройской добродетели и жизни Сифа», но что роман этот способствовал уяснению Фонвизиным основных вопросов политики и морали, едва ли оспоримо.

К 1762 г. относится перевод трагедии Вольтера «Альзира, или Американцы», который сделан был Фонвизиним при недостаточном еще знании французского языка. Перевод этот вызвал насмешки современников, продолжавшиеся много позднее появления «Альзиры»; так, А. С. Хвостов го-

ворит об «Альзире» и ошибках Фонвизина еще в 1782 г.¹ Возможно, что именно под влиянием колких напоминаний о промахах молодого переводчика Фонвизин писал в своем «Чистосердечном признании»: «Сей перевод есть не что иное, как грех юности моея, но со всем тем встречаются и в нем хорошие стихи». Эти слова Фонвизина заставили позднейших биографов и исследователей его творчества заняться оценкой юношеского опыта нашего автора. Вяземский, например, полагал, что «перевод его «Альзиры» должен быть признан более за упражнение ученическое в стихотворстве и французском языке, нежели за произведение поэтическое». Приведя цитированный выше отзыв Фонвизина о своем переводе, Вяземский продолжает: «Признаемся, должно иметь родительское сочувствие для подобной встречи. Нам со стороны не удалось встретить ни одного хорошего стиха».² Суждение Вяземского нельзя признать правильным: он оценивает фонвизинский перевод не с исторической, а с абсолютной точки зрения, оценивает его с позиций литературных вкусов пушкинской эпохи. Между тем, для своего времени фонвизинский перевод «Альзиры» вполне удовлетворителен и, может быть, стоит даже выше других стихотворных и прозаических переводных и оригинальных произведений 1750—1760 гг. Вероятно, этим и объясняется то, что не отданный на театр и не напечатанный перевод Фонвизина доставил ему известность еще большую, нежели его эпиграммы и сатиры тех же лет.

В 1762 г. Фонвизин закончил курс в университете, после чего должен был явиться в Петербург в Семеновский полк, куда был записан еще в 1754 г. Но в это время в Москву переехала из Петербурга Екатерина для коронации, и с нею прибыли высшие чины правительства. В Коллегию иностранных дел как раз тогда понадобились лица, владевшие иностранными языками. Фонвизин в качестве человека, знающего латинский и немецкий язык, был рекомендован канцлеру Воронцову, а затем принят на службу в эту коллегию; через несколько месяцев, в декабре 1762 г., он был послан с дипломатическим поручением в одно из мелких немецких кня-

¹ Резкость сатиры А. С. Хвостова объясняется, возможно, личными отношениями; брат Хвостова, В. С., в своих «Записках» говорит: «Старший брат мой Александр определился [после 1772 г.] в Иностранную Коллегию и был при Фонвизине, с которым, по пылкости своего ума, не ужился». Русский архив, 1870, стр. 554.

² Вяземский. Фонвизин, стр. 36.

жеств.¹ Для умного и наблюдательного юноши посещение типичного западноевропейского владетельного дома было очень полезно: он мог расширить круг своих политических и нравственных наблюдений, накопить впечатления о придворных и придворной жизни; впечатления эти, как можно предполагать, не прошли для него бесследно и, повидимому, повлияли на его представления о фаворитизме, о произволе и бесправии как основных принципах внутренней политики европейских государств того времени.

3

Служба по дипломатическому ведомству мало нравилась молодому Фонвизину, который был в то время, по его словам, «еще сущий ребенок». Литературные и театральные интересы влекли его в иную среду и в иную область. В октябре 1763 г. кабинет-министру И. П. Елагину, видному писателю и театральному деятелю, понадобился знающий языки секретарь, и Фонвизину, по именному указу Екатерины, приказано было, «числясь при Иностранной коллегии, быть для некоторых дел при нашем статском советнике Елагине, получая жалованье по-прежнему из оной Коллегии».

Елагин, в прошлом один из ревностных учеников и первых последователей Сумарокова, с конца 1750 гг. прочно входит в круг приверженцев Екатерины, подвергается за помощь последней в ее амурных делах репрессиям со стороны елизаветинского правительства, затем участвует в перевороте 28 июня 1762 г., возведшем Екатерину на престол. С самого начала царствования Екатерины Елагин быстро делает карьеру, назначается кабинет-министром императрицы, и ему поручается быть «при собственных ея величества делах у принятия челобитен». В то же самое время он был и членом Дворцовой канцелярии и, вероятно, в этой связи имел отношение к театральным делам. У Елагина были два секретаря — В. И. Лукин и Д. И. Фонвизин. Первый из них был в середине 1760 гг. видным драматическим писателем; ему суждено было сыграть заметную и полезную роль в истории русского театра 1760 гг.

В 1756 г., по указу Елизаветы, был создан Российский придворный театр, во главе которого, как известно, был по-

¹ Русский архив, 1912, т. II, стр. 323—325. Рескрипт Екатерины по этому поводу датирован 16 декабря 1762 г.

ставлен А. П. Сумароков. Важнейшим вопросом театральной жизни тех лет была проблема репертуара. Если не считать старых пьес драматургов силлабиков (Симеон Полоцкий, Дмитрий Туптало-Ростовский, Одровонж-Мигалевич и др.), не представлявших уже интереса для европеизированного придворного зрителя 1750—1760 гг., наша драматургия состояла из 6 трагедий и 4 комедий Сумарокова, из 2 трагедий Ломоносова и одной — Тредиаковского. При этом пьесы двух последних авторов, в особенности Тредиаковского, не были пригодны для сценического воплощения. Поэтому для нормального функционирования Российского театра, чтобы не прискучить зрителям повторением одних и тех же пьес Сумарокова, было первейшей необходимостью создание более широкого и занимательного репертуара.

Отсутствие документальных данных о деятельности Придворного Российского театра в эти годы не позволяет с уверенностью сказать, по предложению ли Сумарокова или по собственной инициативе создавалась вокруг театра группа молодых переводчиков, принадлежавших, главным образом, к светскому кругу. Это были гвардейские офицеры П. С. Сви-стунов, А. А. Волков, А. А. Нартов, И. П. Чаадаев, И. И. Кропотов, Н. П. Хрущев, академические переводчики В. Теплов, А. Л. Дубровский и др. Уже с осени 1757 г., а особенно интенсивно с 1758 г., эта группа молодых театралов стала пополнять скудный репертуар Российского театра своими переводами. Главное внимание молодых людей было обращено на комедию (из трагедий была переведена, кажется, только одна — «Полиевкт» Корнеля), при этом преимущественно на французскую. Был переведен почти весь Мольер, ряд пьес Лепрана, Дегуша, Реньяра, Л. Гольберга, отдельные комедии Данкура, Сент-Фуа, Руссо, Мариво, Рикобони и др.

Внимательный взгляд может установить в приведенном перечне авторов комедий определенную тенденцию. Если выделить комедии Мольера, как классического драматурга, знакомство с которым было обязательно для тогдашнего зрителя, почти все остальные авторы оказываются принадлежащими к послемольеровскому, так называемому «развлекательному» направлению. Авторы, принадлежавшие к этой традиции, в отличие от комедиографов середины XVIII в., проникнутых смелыми социальными и моральными тенденциями, ставили себе более скромные, непритязательные цели. Они хотели и умели развлекать французское общество по-

следних лет царствования Людовика XIV и легкомысленной эпохи Регентства. Острая социально-психологическая рисовка «общечеловеческих» характеров в их национально-французском воплощении, составлявшая силу и прелесть Мольера, заменяется у Реньяра, Данкура и Лёграна погоней за забавными сюжетами, веселыми положениями, занятыми и остроумными диалогами, смешными сценками.

Придворное петербургское общество конца 1750 гг. очень походило на блистательных версальских куртизанов эпохи Регентства. Царствовала та же роскошь, то же легкомыслие, та же нравственная распущенность. Князь М. М. Щербатов позднее в своей полумемуарной записке «О повреждении нравов в России» дал хотя, может быть, и пристрастную, но колоритную картину елизаветинского окружения: «Двор, подражая, или, лучше сказать, угождая императрице, в златотканые одежды облакался, вельможи изыскивали в одеянии все, что есть богаче, в столе все, что есть драгоценнее, в питье — все, что есть реже, в услуге — возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили к оной пышность в одеянии их. Экипажи возблистали златом, дорогие лошади, не столь для нужды удобные, как единственно для виду, учились нужны для вожения позлащенных карет. Дома стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всех комнатах, дорогими мебелью, зеркалами и другими. Все сие составляло удовольствие самым хозяевам, вкус умножался, подражание роскошнейшим народам возрастало, и человек делался почтителен (почитаем) по мере великолепия его житья и уборов». Приведя примеры «роду житья и сластолюбия тогдашнего времени», Щербатов продолжает: «Мы можем положить сие время началом, в которое жены начали покидать своих мужей». Не только желчный Щербатов, но и другие современные источники ярко характеризуют нравы, быт и умственный уровень общества елизаветинского царствования, подчеркивая равнодушие к своему национальному и слепое преклонение перед чужеземным. Понятно, что подобные зрители могли требовать от театра только развлекательных зрелищ, и ничего больше.

Но наряду с «роскошем», как писал Щербатов, и «сластолюбием», господствовавшими в придворных и вообще дворянских кругах, в те же годы в других общественных слоях — мелко дворянских и разночинных, — отчасти сохранились от прежнего, отчасти стали складываться вновь иные моральные принципы, иные требования в бытовых и куль-

турных отношениях. В противоположность «космополитизму» значительной части придворных, фактически представлявшему «буйственное пристрастие ко всему, что называется французским» (Болтин), в тех группах русского общества, о которых говорилось только что, в значительной мере под влиянием Ломоносова и его последователей, все больше и больше проявлялся интерес к своему, национальному началу, к народной поэзии, к формам народного быта и уклада. В начале 1760 гг. это течение дает себя знать и в области театра. Оно сказалось даже на тех театральных деятелях, которые принадлежали к первой группе. Один из наиболее активных переводчиков Леграна и Данкура, Александр Волков пишет комедии «на нравы национальные» — «Чадолюбие» и «Неудачное упрямство», слабые и чрезвычайно далекие от подлинно русской жизни того времени; но обращение автора к «национальным нравам» не изменило его основной установки — развлекательной. Пьесы Волкова представляли мало удачную попытку создания оригинального русского репертуара в духе Леграна, Реньяра и Данкура. Впрочем, по свидетельству современника, они были «весьма изрядны», «представлены на придворном театре многократно и всегда приниманы с похвалою».

В то самое время, когда вернувшийся из-за границы Фонвизин перешел на службу к И. П. Елагину, в русской театральной жизни стало намечаться новое, любопытное явление. Возможно, под влиянием неудачных попыток Ал-дра Волкова в области оригинального творчества, слабость которых осознавалась серьезными ценителями театрального искусства, возникла тенденция приспособлять западноевропейские пьесы, преимущественно комедии, к русской обстановке, «предлагать на нравы национальные».

Теоретиком этого направления был именно тот писатель В. И. Лукин, который был первым секретарем Елагина и служить с которым пришлось Фонвизину. В предисловиях к своим «Сочинениям и переводам» (1765) Лукин неоднократно говорит, что Елагин был его учителем в российском языке и слоге; очевидно, он желал этим подчеркнуть, что его теоретические взгляды не зависят от Елагина, что он пришел к ним самостоятельно. Обычное для этой эпохи отсутствие документальных данных не позволяет утверждать с полной определенностью степень оригинальности взглядов Лукина или зависимость его от Елагина. Во всяком случае, известно что в 1764—1765 гг. почти одновременно появляются на сце-

не Придворного театра «Русской француз» И. П. Елагина, представлявший переделку комедии Гольберга «Жан де Франс», «Награжденная добродетель» Б. Е. Ельчанинова, «преложившего» на русский язык «Вольный дом, или Шотландку» Вольтера, ряд переделок самого Лукина и, наконец, «Корион» Фонвизина, руссифицированный перевод «Сиднея» Грессе.

Самой существенной чертой этого нового «предлагательного» направления было то, что, взамен «развлекательной» функции, пьесам этим и вообще театру присваивалась функция педагогическая, национально-воспитательная. Сцена становится общественной трибуной. «Тут надлежит не столько красоту и силу чужестранного писателя показывать, сколько исправлять нравы», писал в предисловии к «Награжденному постоянству» Лукин.

Наивно-реалистические представления мало развитой в литературно-эстетическом отношении публики приводили, по словам Лукина, к тому, что пьесы иностранные или переведенные с других языков воспринимались как не имеющие отношения к русской действительности, к русским порокам. Поэтому «предлагатели» считали необходимым «держаться своих образцов», т. е. заменять имена иностранных героев русскими, устранять все обстоятельства и бытовые подробности, не соответствовавшие русской обстановке тех лет, стремиться к максимальному уточнению реальных подробностей. Так, например, Лукин в «Щепетильнике», Фонвизин в «Корионе» заставляют крестьян окрашивать свою речь диалектными чертами, цоканьем, энклитическими частицами «то», «ста», «стани» и т. д. Конечно, и это имело свои precedенты во французской классической комедии («Г-н де Пурсоньяк» Мольера и др.), но для русской театральной жизни эти новшества были значительным шагом в сторону «натуры», сближения с действительностью.

Фонвизинский «Корион» представляет в этом отношении тем больший интерес, что комедия эта была первой по времени, в которой выводится на сцену подлинный русский крестьянин, хотя еще как эпизодическое лицо. Первое впечатление от появления этого персонажа на сцене как будто неприязненное: «Да что за чудо мне в глаза теперь попало? Какое странное и глупое лицо?» — говорит слуга Кориона, Андрей, увидев впервой Крестьянина. Но в дальнейшем Крестьянин изображается с симпатией и с явным желанием вызвать к нему сочувствие. Исследователи отмечают, что Фон-

визин несколько расширил роль Крестьянина по сравнению с оригиналом, в частности указывают, что Фонвизиным было вставлено следующее место. По ходу пьесы слуга Кориона, Андрей, посылает Крестьянина в Москву. Тот просит не разорять его в конец. Андрей возражает Крестьянину:

Уж ты, брат, мне и скучишь.
Одной поездкою себя ты не измучишь:
Какая тягость та?

Крестьянин.

Да мы разорены.

Андрей.

Скажи мне: отчего вы в то приведены?

Крестьянин.

Платя-ста барину оброк в указы сроки,
Бывают-ста еще другие с нас оброки,
От конх уже мы погибли-сто в конец.
Нередко едет к нам из города гонец,
И в город старосту с собою он таскает,
Которого-сто мир, сложившись, выкупает.
Слух есть, что сделан вновь в приказе приговор,
Чтоб пасце [чаще] был такой во всем уезде сбор.
Не мало и того собирается в народе,
Цем кланяемся мы поцасту воеводе,
К тому жа зборщики драгуны ездят к нам
И без посады бьют кнутами по спинам,
Коль денег-ста когда даем мы им немного.

При этих словах Крестьянина Андрей, несомненно выражая взгляды автора, восклицает:

О, о! Мне кажется, уж это слишком строго.
Какую бедную крестьяне жизнь ведут,
Коль грабят их и те, которым предан суд....¹

Надо полагать, что гуманная идея Фонвизина изображением Крестьянина вызвать сочувственное отношение к крепостным не имела успеха и прежде всего не была воспринята актером, исполнявшим эту роль. На эту мысль наводит замечка в «Записках» воспитателя Павла Петровича, С. А. Порошина. 10 ноября 1764 г. он сделал следующую любопытную запись: «Ввечеру мы пошли в комедию. Комедия была русская: «Сидней», в переводе г. Фонвизина, в стихах... за ужиною разговаривали мы о комедии. Его высочеству сегоднешнее зрелище понравилось; особливо понравился крестья-

¹ Тихонравов, Н. С. Материалы для полного собрания сочинений Д. И. Фонвизина. Спб. 1894, стр. 91.

нин, что в большой пьесе (т. е. в «Сиднее»-«Корионе»)¹. Нет сомнения, что десятилетнему Павлу понравился Крестьянин как «глупое и странное лицо», понравился своим цоканьем, неловкостью, своей «деревенщиной», а не той симпатией, которую вложил в этот образ Фонвизин.

«Корион» обычно не привлекает внимания историков театра и литературоведов. Между тем, как этап в развитии русской стихотворной комедии он имеет большое значение. Отдельные стихи очень выразительны, легки, и в них можно видеть те слабые зародыши, которые дадут через 60 лет «Горе от ума». Такова, например, характеристика, данная слугой Андреем деревне и деревенской обстановке:

В деревню должно тем навек переезжать,
Кто хочет жителям деревни подражать,
У коих, — если кто моей поверит справке, —
Подобно как они, и разумы в отставке.
Размножился у нас таких невежей род:
Тут нельзя разобрать с крестьянами господ.
Иной из них, служа и телеси и духу,
Во здравие свое до смерти гнет сивуху;
Иной и день и ночь, пролив струями пот,
Гоняясь за скотом, и сам бывает скот,
И лучшие из них равняются со пнями;
Кто много хвастает своими деревнями,
Считая то за верх блаженства своего,
Чтоб ночь проспать, а днем не делать ничего.

Не менее показательно в том же отношении другое место в реплике Андрея, предлагающего своему барину ехать в Москву:

Хоть сами вы себя немного приневольте!
Оттуда в Петербург отправиться извольте.
Вам счастья своего не долго будет ждать,
Коль станете во всем вы знатным угождать;
Известны вам самим больших господ законы,
Что жалуют они нижайшие поклоны;
Умножьте вы число особю своей
Стоящих с трепетом в передней их людей...

Но «Корион» интересен и с другой стороны. Хотя это пьеса переводная и Фонвизин во многом зависел от оригинала Грессе, однако она воспринималась как «русская комедия», пускай и «переделанная». Хотя герои, за исключением Андрея, носят мало распространенные имена вроде Корион, Менандр и Зеновия, но в тексте упоминаются Москва и Пе-

¹ Порошин, С. А. Записки. Изд. 2, Спб. 1881, стр. 122.

тербург, Крестьянин говорит на местном диалекте, т. е. какая-то локальная окраска пьесе придана, а в 1764—1765 гг. этого было уже достаточно, чтобы пьеса воспринималась как русская. Поэтому сравнительно второстепенную роль играет то обстоятельство, оригинальны или заимствованы у Грессе отдельные мысли в репликах рассудительного друга Кориона, Менандра. Лицо по существу эпизодическое, необходимое для провозглашения со сцены ряда благородных сентенций и, с другой стороны, чтобы дать возможность главному герою в диалоге с другом раскрыть свое душевное состояние, Менандр представляет безусловный интерес как слабый набросок будущего Стародума. Он, подобно «резонеру» из «Недоросля», выражает мысли, представлявшие в те времена факт большого социально-воспитательного значения. Беседуя с отчаявшимся, разочаровавшимся в жизни Корионом, Менандр пытается воздействовать на своего друга такими доводами:

Но только ль то одно блаженство составляет,
 Во что нас молодость слепая привлекает?
 Иль кроме тех страстей, что—свойство юных лет,
 Другого счастья на свете смертным нет?
 Но если будем мы рассудка слушать боле,
 Другое мы найдем своим желаньям поле;
 Не будут наши в том старанья вотще.
 Поверь, любезный друг: мы не жили еще.
 Коль скоро обществу служить нам время стало,
 С тех пор и жизни мы должны считать начало.
 Кто к общей пользе все старанья приложил
 И к славе своего отечества служил,
 Тот в жизнь свою вкусил веселие прямое;
 Веселье для него не может быть иное,
 Как то, о коем он старался весь свой век,
 Чтоб жить и умереть, как честный человек.

Несколько дальше тот же рефлектирующий Менандр снова пытается убедить своего пессимистического друга, и опять-таки доводами внутренней самодисциплины, основанной на социальной этике:

Ты должен посвятить отечеству свой век,
 Коль хочешь навсегда быть честной человек.
 Иль никуда тебя твой долг не призывает? —

спрашивает наш резонер Кориона.

Как не узнать в этих репликах бледный очерк того круга идей, который составит позднее славу Стародума? Конечно, у Стародума сентенции о должности честного челове-

ка, о патриотизме как источнике поступков, возвышающих человека, — органически связаны с ролью, присвоенной ему в комедии; образ же Менандра очень расплывчат и выполняет служебную роль в качестве носителя определенных, к пьесе прямого отношения не имеющих, идей.

Следует, может быть, остановиться подробнее на образе Кориона, главного героя комедии Фонвизина. При всей его схематичности и психологической неотчетливости он представляет интерес как первый эскиз столь упрочившегося в литературе 20—30 гг. XIX в. типа разочарованного, пресытившегося жизнью молодого человека. Особенно отчетливо выразилась эта черта Кориона в его беседе с Менандром во 2 явлении II акта.

Менандр.

К чему же убегать ты света принужден?

Корион.

Но что б ты сделал сам? Я к скуке осужден,
Тоскою поражен, страдаю и крушусь,
И уже сам себе я в тягость становлюся:
Хочу от света скрыть навеки я того,
Который в нем лишен спокойствия своего...
... Обманом, хитростью и лестью полон свет,
Убежища от них нигде нам больше нет.
Мне самым опытом то все известно стало,
И в свете ко всему желание пропало.
Я в пышной суете всю жизнь мою провел;
Все видел, все вкусил, узнал, пересмотрел:
Уже ничто меня на свете не прельщает;
Ничто опять меня в него не возвращает,
Ничем от мыслей сих не буду отведен
И здесь останусь жить, от света удален...

Пусть этот монолог Кориона представляет перевод, пусть позднее Корион по возвращении к нему Зеновии излечивается от своей хандры, пусть, наконец, и у Грессе образ Сиднея (Кориона) создан под влиянием мольеровского «Мизантропа», тем не менее для русского зрителя и читателя 1760 гг. все это было внове, но не вчуже; когда в первой главе «Евгения Онегина» Пушкин говорил о своем герое, что «недуг, .. подобный английскому сплину, короче: русская хандра им овладела понемногу», то как тонкий знаток психологии русского общества к слову «недуг» добавляет: «которого причину давно бы отыскать пора». Может быть, фонвизинский Корион и был первым или одним из первых, пораженных этим недугом.

Ценным свидетельством театральных и литературных интересов Фонвизина в эти годы являются его письма к родным, начиная с августа 1763 г. Из них явствует, что у Фонвизина сложились дружеские отношения с актером И. А. Дмитриевским, который бывал с женою у нашего автора и которого Фонвизин в свою очередь посещал. Он бывает также у Сумарокова, которого, повидимому, навещал главным образом из-за дочери драматурга, Екатерины Александровны, вышедшей впоследствии за писателя Я. Б. Княжнина, а также с целью изучить повадки и манеры Сумарокова с тем, чтобы потом осмеивать его. «Я забыл сказать, — писал впоследствии Фонвизин, — что имел дар принимать на себя лицо и говорить голосом весьма многих людей. Тогда передражнивал я покойного Сумарокова, могу сказать, мастерски, и говорил не только его голосом, но и умом, так что он бы сам не мог сказать другого, как то, что я говорил его голосом». ¹ Попутно следует отметить, что манера изучать внешность и психику людей, ухватывать их смешные стороны и затем карикатурно воспроизводить это сохранилась у Фонвизина и позже. Так, современники сообщают, что он нарочно часто обедал у подполковника Вадковского, жена которого была исключительная дура и болтуня, «чтобы слушать их глупости и потом забавлять этим публику». ²

Возвращаясь к анализу писем Фонвизина к родным как источнику, устанавливающему круг его литературных и театральных знакомств, можно отметить, что очень близкие отношения сложились у него с драматическим писателем — вольтерьянцем, кн. Ф. А. Козловским, с С. И. Глебовым и другими литературными и театральными деятелями 1760 гг.

Письма Фонвизина пестрят сообщениями о посещении театра как русского, так французского и итальянского, как комедий, так и трагедий, как «спектакелей» любительских («кавалерских» в Зимнем дворце), так и в Придворном театре. Он следит за новинками французской драматической литературы. По поводу трагедии Шатобрена «Les Trouépées » (1754), в которой французские современники находили «трогательнейшие и удачнейшие ситуации», ³ Фонвизин пишет: «Лишь только прочитал новую трагедию французскую «Троянки». Слезы еще и теперь видны на глазах моих. Ге-

¹ Соч. Фонвизина, стр. 546.

² Архив кн. Воронцова, т. XXXIII, стр. 20 (второй пагинации).

³ Dictionnaire dramatique. P. 1776, t. III, p. 339.

куба, лишаящаяся детей своих, возмутила дух мой. Поликсена, ее дочь, умирая на гробе Ахиллесовом, поразила жалостию сердце мое; а отчаяние Кассандры извлекло неволею из глаз моих слезы». Впрочем, Фонвизин, повидимому, стыдится только что сделанного признания и продолжает в шутиливом тоне: «Однако плюнем на них. Стихотворец подобен попу, которому, живучи на погосте, не всех оплакать. Я сам горю желанием писать трагедию, и рукой моей погибнут по крайней мере с полдюжины героев, а если рассержусь, то и ни одного живого человека на театре не оставлю».

Может быть, в связи с чтением «Троянок» стоит обращение Фонвизина к своему, еще в Москве сделанному, переводу «Альзиры», который он отдал, повидимому, в переписку и затем вручил один экземпляр графу Г. Г. Орлову, а другой брату его, Ф. Г. В письме к сестре, обещая и ей выслать экземпляр «Альзиры», Фонвизин сообщил, что Г. Г. Орлов на следующий день «уже трагедию прочел и отозвался так, что я весьма имею причину почитать себя довольным».²

Читает Фонвизин и рукописные русские драматические произведения, в частности, трагедию Тредиаковского «Деидамия»: «Впрочем ныне упражняются в чтении «Деидамии», трагедии гос. Тредиаковского. Нет ничего ее смешнее, — пишет он сестре. — Вообрази себе Ахиллеса, который в его трагедии в женском платье. А стихи ужасно как странны и смешны».³

Сообщает Фонвизин родным и о своих литературных делах, о печатании «Сифа», затем другого переведенного им романа «Любовь Кариты и Полидора» Бартеlemi (1763), о своих книжных покупках и т. д.

Особенный интерес представляют те места в письмах, которые содержат упоминания о литературных занятиях Фонвизина. Сестра его, Федосья Ивановна, упрекала Фонвизина за то, что он пишет сатиры. В письме от 13 декабря 1763 г. он успокаивает Федосью Ивановну: «Сатир писать не буду; пожалуй, будь в том уверена, что я человек, не хвастая, могу сказать, резонабельный. Ты привела меня в резон, и я сделал жертвоприношение Аполлону, сожегши ту в печи».⁴ Очевидно, однако, Фонвизину трудно было отказаться от сатирического жанра: через полтора месяца, 28 января

¹ Соч. Фонвизина. стр. 368.

² Там же, стр. 370.

³ Там же, стр. 369—370.

⁴ Там же, стр. 368.

1764 г., он отправляет сестре письмо через будущего ее мужа, своего друга, В. А. Аргамакова: «Я оставил намерение послать теперь то, что я делал. Боюсь опять выговоров; только истинно кажется бы не за что. Если любопытна, спроси В. А. Аргамакова: он знает все то, что я писал и что теперь делаю».¹ Какие сатирические произведения были написаны Фонвизинным в эти годы, сказать трудно; во всяком случае, это не «Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке», относящееся к более позднему времени.

Письма к родным интересны также и наличием в них данных об отношении Фонвизина к своему сослуживцу Лукину. На первых порах отношения эти были, повидимому, хорошие. По крайней мере, в письмах первых лет совместной службы Фонвизин о Лукине не упоминает вовсе. В свою очередь Лукин в цитированном предисловии к комедии «Награжденное постоянство» (1765), отозвавшись с большой похвалой о комедии Елагина и довольно благосклонно о переделке Ельчанинова, о «Корионе» Фонвизина говорит сдержанно, но тут же признает, что автор «Кориона» имеет больше него способности и знания.² Может быть, эта сдержанность и некоторая сухость являются признаком неполно дружественных отношений. Во всяком случае, вернувшись в начале 1766 г. из Москвы, куда он ездил на свадьбу любимой сестры, Фонвизин жалуется на одиночество и тяжелую обстановку: «Теперь представь себе, матушка, — пишет он сестре Федосье Ивановне, — в каких прескучных я обстоятельствах. Живу один, как изгнанник и как бы недостойный жить с вами... Принужден я иметь дело с злодеями или с дураками. Нет мочи более терпеть, я думаю, скоро стану делать предложение Ивану Перфильевичу (Елагину) о перемене моей судьбы. Честному человеку жить нельзя в таких обстоятельствах, которые не на чести основаны».³

В июне того же года Фонвизин извещает сестру о том, что у него наладились прекрасные отношения с И. П. Елагиним, который будто бы изменил свое мнение о Лукине. Письмо это очень интересно для характеристики взглядов Фонвизина на социальную иерархию. Лукина он называет человеком, «коего и самая природа, и все на свете законы сделали ниже» его, Фонвизина; он с радостью сообщает, что Елагин «раскаивается в прежнем своем поступке (своем об-

¹ Соч. Фонвизина, стр. 373.

² Соч. Лукина и Ельчанинова. СПб. 1868, стр. 113, 114.

³ Соч. Фонвизина, стр. 382—383.

хождении) с Лукиным и поклялся впредь не производить в чины никого из тех, которых отцы и предки во весь свой век чинов не имели и родились служить, а не господствовать».¹ Однако надежды Фонвизина на полный разрыв Елагина с Лукиным не оправдались, и следующие письма не содержат уже указаний на предстоящие успехи по службе. В 1768 г. отношения Фонвизина к Елагину, продолжавшему благоволить к Лукину, становятся все холоднее и даже враждебнее, он серьезно подумывает об отставке. В письме от 11 сентября 1768 г. Фонвизин сообщает родителям, что ему не удастся ни уйти в отставку, ни переменить место из-за препятствий со стороны Елагина, и продолжает: «Как бы то ни было я с ним в нынешнем же месяце расквитаюсь. Мне жить у него несносно становится; а об отставке я не тужу: года через два или через год войду в службу, да не к такому уроду».

4

В конце 1768 г. Фонвизину удалось получить полугодовой отпуск в Москву. Сохранились два недатированных письма его к Елагину, отправленные из Москвы, как видно по их содержанию, в 1769 г. В этих письмах он снова ставит вопрос о своем будущем, о своих отношениях к Лукину и настаивает на предоставлении ему продления отпуска еще на полгода. Надо полагать, что эта отсрочка не была дана Фонвизину, и в середине 1769 г. он снова появляется в Петербурге.

Пребывание Фонвизина в Москве в 1768—1769 гг. было очень плодотворным; ему удастся закончить и сразу же напечатать перевод поэмы Битобе «Иосиф», перевод нравоучительно-сентиментальной повести Франсуа Арно «Сидней и Силли», закончить какую-то комедию и т. д. Вообще, из сравнительно небольшого количества дошедших до нас с подписью Фонвизина произведений значительная часть падает на московский отпуск 1768—1769 гг.

Может быть, кое-какие начатые ранее произведения были тут закончены, по крайней мере, напечатаны. Так, например, обстояло с известным «Посланием к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке», проникнутым религиозным и

¹ Там же, стр. 387.

этическим скептицизмом. Оно было впервые напечатано в качестве приложения к изданной, как уже указывалось выше, в 1769 г. нравоучительной повести «Сидней и Силли», а в следующем году было перепечатано дважды: в журнале Н. И. Новикова «Пустомеля» и при «Предсказаниях Мартына Задека (!) о падении Турции»; позднее оно переиздавалось неоднократно как отдельно, так и в качестве приложения к разным книгам других авторов.

Кроме перечисленных выше произведений, Фонвизин писал, повидимому, некоторые из тех анонимных статей и стихов против Лукина, которые печатались в «Трутне» Новикова. По крайней мере, с большой степенью уверенности можно утверждать о первом выходе против Лукина в «Трутне» — статье-письме, помещенном в листах 3 и 4 (от 12 и 19 мая 1769 г.). Статья эта подписана: «Во ожидании вашего ответа пребуду вам неизвестным...» Помимо того, что письмо «неизвестного» написано с большой ловкостью и остроумием, а также того, что враждебность Фонвизина к Лукину как раз в это время вновь засвидетельствована письмами Фонвизина к И. П. Елагину из Москвы, доводом за принадлежность этой статьи нашему автору является то обстоятельство, что статья была прислана именно из Москвы. На это указывает сообщение от редакции «Всякой всячины» (1769, № 63, стр. 168) следующего содержания: «Письмо, подписанное «пребуду вам неизвестным. Москва. 1769 год. № 1» не отдается от нас в печать для того, что оно уже в «Трутне» узрело свет». (Этот лист «Всякой всячины» помечен 29 мая, т. е. вышел в свет, во всяком случае, после 4 листа «Трутня», датированного 19 мая и содержавшего окончание данной статьи). Конечно, можно допустить, что письмо было с целью мистификации помечено Москвою, будучи на деле прислано из Петербурга, но для такого допущения нет оснований. Можно также из осторожности предположить, что кто-то другой, а не Фонвизин, прислал из Москвы данную статью, но совокупность этих данных скорее говорит все же в пользу того, что автором был Фонвизин. Признание этого факта дает основания предполагать, что и некоторые другие статьи и стихотворения против Лукина, помещенные в «Трутне», принадлежат Фонвизину. Что он писал в это время какие то стихи, стоившие ему «не только неизреченного труда, но и головной болезни», сам Фонвизин сообщает Елагину во втором из сохранившихся писем его из Москвы.

Важнее всего, однако, вопрос, какую комедию писал или написал Фонвизин в Москве. До сих пор вопрос этот не решен окончательно. Дело в том, что во время своего первого отпуска в Москву в конце 1765 — начале 1766 г. Фонвизин также написал какую-то комедию: «Прости, матушка, — писал он в письме от 22 и 24 января 1766 г. своей любимой сестре Федосье Ивановне. — Не забудь меня, не забудь моих комедий и тем докажи, что ты меня любишь» (стр. 383). Слова «не забудь моих комедий» комментаторы воспринимают как указание на то, что, помимо «Кориона» (1764), именно тогда — в 1765—1766 гг. — был сочинен «Бригадир».

Высказывалось и другое предположение, — что комедии 1765—1766 гг. это «Корион» и «Обманчивая наружность, или Человек нынешнего света» Буасси, комедия, переведенная Фонвизиним, повидимому, в 1760-х гг., и что в 1769 г. был написан «Бригадир». ¹ Эта гипотеза представляется мне более правильной. Поскольку по этому вопросу я подробно высказывался в другом месте, ² считаю возможным ограничиться здесь простым упоминанием о том, что «Бригадир» был закончен и привезен Фонвизиним из Москвы в 1769 г.

В «Чистосердечном признании» Фонвизин подробно рассказывает об успехе, выпавшем на долю новой его комедии. Конечно, можно не принимать за чистую монету все подробности, сообщенные Фонвизиним по поводу своих чтений «Бригадира», но бесспорным остается успех комедии. Что же было причиной столь благоприятного отношения слушателей и зрителей к фонвизинской пьесе? Ответ на этот вопрос можно будет получить только после того, как мы проанализируем «Бригадира».

Как позднее «Недоросль», так в 1769 г. «Бригадир» воспринимался в двух планах: во-первых, со стороны идейно-политической и, во-вторых, со стороны художественно-сценичной. Разрыва целостного впечатления при подобном восприятии современники, очевидно, не ощущали.

Круг идей «Бригадира» тесно связан с либеральными мероприятиями Екатерины в 1760-х гг. В центре стоит идея «воспитания». Это с особенной четкостью выражено в двух местах комедии. В явлении шестом IV действия бригадир бранит Ивана, называет его «негодницей». На это Иван восклицает: «Батюшка! Я — негодница? Я такой сын, по кото-

¹ Savoy, L. Saggio di una biografia del Fon-Vizin. Roma 1935, p. 56

² Научный бюллетень Лен. Гос ун-та, 1945, № 9.

ром свет узнает вас больше, нежели по вашем бригадирстве. (Добролюбову) Вы, конечно, знаете сами многих детей, которые делают честь своим отцам?» — Добролюбов: «А еще больше таких, которые им делают бесчестье. Правда и то, что всему причиною воспитание». ¹

Во втором явлении последнего действия Иван в беседе с советницей с комической серьезностью расхваливает французских учителей и попутно высказывает мысль, может быть, не вполне уместную в устах такой «негодницы», каков он. «Да знаешь ли ты, — спрашивает он советницу, — каковы наши французские учителя? Даром, что большая из них половина грамоте не знает, однако для воспитания они предорогие люди. Ведаешь ли ты, что я, — я, которого ты видишь, — до отъезда моего в Париж был здесь на пансионе у французского кучера?» — Советница: «Ежели это правда, душа моя, с сего часу я буду в сердце моем сохранять истинное почтение к французским кучерам». — Иван: «И советую. Я одному из них должен за любовь мою к французам и за холодность мою к русским. Молодой человек подобен воску: ежели б малереземан ² я попался к русскому, который бы любил свою нацию, я, может быть, и не был бы таков». ³

Итак, «всему причиною воспитание», так как «молодой человек подобен воску». Идейный смысл «Бригадира» в том и состоит, чтобы показать, к чему приводит лишенное национального характера воспитание, какие нравственные уроды порождаются воспитателями иностранцами, какие опасности таят подобные формы подготовки будущих поколений.

Фонвизин не был первым, затронувшим эту тему в русской драматургии. Еще Сумароков в «Чудовищах» дал первые, неотчетливые, но уже сильно акцентированные обрисовки подобных персонажей в лице щеголя Дюлижа и кокетки Деламиды. Еще большее значение имела в развитии данной темы комедия Елагина «Русской француз», представлявшая обработку гольберговского «Жан де Франса». Комедия эта с успехом шла в 1765 г. на сцене придворного театра. О посещении ее упоминает в своих «Записках» С. А. Порошин под 10 мая 1765 г., но тут не было сделано никаких замечаний по ее поводу. ⁴ Более подробно говорит Порошин о той же

¹ Материалы для полн. собр. соч. Фонвизина, стр. 202.

² Malheureuxsement — к несчастью.

³ Материалы, стр. 215.

⁴ Порошин, С. А. Записки. Изд. 2, Спб. 1881, стлб. 316.

пьесе в записи от 17 октября того же года: «Большую комедию государыня очень изволила хвалить и говорить, что она разве тем только может не нравиться, которые в ней себя тронутыми найдут, что в ней все такие правды, которых оспорить невозможно... В нашей ложе, — прибавляет Порошин, — сия комедия такой аппробации не имела».¹

Связь «Бригадира» с комплексом идей елагинского «Русского француза» несомненна. В первом явлении второго действия «Бригадира» Софья в разговоре с отцом своим, советником, характеризует галломанствующего Ивана: «Батюшка, будьте вы в том уверены, что он и вас почитать не будет: русско́й францу́з обыкновенно никого, кроме себя и французов, не почитает. Да разве вы не знаете, какова большая часть наших приезжих из Парижа?». — «Знаю, все знаю», отвечает советник.²

Таким образом, «Бригадир» включается в ту драматическую линию борьбы с «русскими французами», которая получила одобрение Екатерины и несколько позднее нашла значительное выражение в сатирической журналистике. В этом смысле «Бригадир» может считаться пьесой, близкой к екатерининской концепции.

Последовательность заставила Фонвизина в этой комедии изображать русскую действительность с позиций благонамеренного драматурга. В соответствии с утверждениями Екатерины об истреблении взяточничества Фонвизин заставляет советницу рассказывать Ивану, что муж ее «пошел в отставку в том году, как вышел указ о лихоимстве: он увидел, что ему в коллегии делать стало нечего»; Добролюбов в другом месте говорит, что «слух о несправедливости и грабеже может в нынешнее время дойти далее и получить достойное наказание», что «ныне взятки брать не смеют», что «мы счастливы тем, что всякий, кто не может найти в учрежденных местах своего права, может идти, наконец, прямо к вышнему правосудию. Я принял смелость к оному прибегнуть, и судьи мои принуждены были строгим повелением решить мое дело».

Как, однако, ни связана комедия Фонвизина с кругом идей, пропагандировавшимся в 1760-х гг. Екатериной, все же «Бригадир» имел более широкое значение. Признавая, вслед за Лукиным и Елагиным, задачей театра «исправление пра-

¹ Там же, стлб. 480—481.

² Материалы для полн. собр. соч. Фонвизина, стр. 154.

вов», а не развлекательность, Фонвизин от частных пороков, с которыми боролись его современники с помощью сатиры, обращался к основному, как ему казалось, средству переустройства общества. «Воспитание» — панацея, которая способна излечить общественные недуги независимо от социально-экономического уклада. Подобно французским просветителям, провозгласившим знаменитую формулу «миром правят мнения», Фонвизин «Бригадиром» утверждал, что в воспитании заключается первоочередная проблема современности. Как мы увидим далее, вопрос воспитания сохранил для Фонвизина всю значительность до последних дней его жизни.

Но, как мы уже указывали, современников, помимо идейной стороны, поразило в «Бригадире» также то новое содержание, которое настойчиво, но безуспешно пытались найти Ал-др Волков, Лукин, Елагин, Ельчанинов и др. «прелатгатели» чужеземных пьес на «нравы национальные». Перед тогдашней комедией, «комедией характеров», стала проблема отражения не того общечеловечного начала, которое делает «Скупого», «Мизантропа», «Нескромного», «Рассеянного» и т. д. понятными зрителям и читателям без различия национальности и времени, а той национальной сущности, которая одна только и способна творить подлинные художественные создания. В европейском, в том числе и русском драматическом искусстве середины XVIII в. вопрос этот решен был компромиссно: характеры остаются незыблемыми, неизменными, но имеют национальную форму выражения, и задачей драматурга становится изображение не просто скупого, мизантропа и т. д., а русского скупого, русского мизантропа и т. д. Опыт показал, что подобная задача может быть решена только при драматическом воспроизведении национального быта, обстановки, «нравов». Пьесы Дидро, Седена и др. не могли не быть известны Фонвизину, т. к. в кружке, группировавшемся вокруг Елагина, внимательно следили за состоянием парижского репертуара: еще в 1765 г. Лукин в предисловии к «Награжденному постоянству», высмеивая «Принужденную женитьбу» Мольера в переводе В. Теплова, указывал, что «сия комедия уже и в самой Франция несколько лет не была на театре, что свидетельствуют ежегодные записки о иггранных зрелищах, в печать издаваемые».¹

Таким образом, учение Дидро о «серьезном жанре» и об

¹ Соч. Лукина и Ельчанинова. Спб. 1868, стр. 117—118.

«общественных условиях (conditions)» должно было быть известно Фонвизину, и можно считать, что в «Бригадире» следы этого знакомства налицо. В самом деле, «характеров» в старом значении слова в «Бригадире» мы не имеем. Бригадир — не «хвастливый воин», бригадирша — не женский вариант Гарпагона, как советник — не Тартюф и т. д.; они прежде всего русские бригадиры, бригадирши, советники, советницы и щеголи с «характером» необразованного, грубого воина, скупой, недалекой женщины, стяжателя-развратника, прикрывающегося маской святоши, и т. д. Это именно то, что понималось в XVIII в. под словом «нравы».

«Под нравами выводимого на сцену персонажа, понимают всякую основу его свойств, т. е. дурные и хорошие его склонности, которые должны составлять его таким образом, чтобы его характер был устойчивым, постоянным и чтобы можно было предвидеть все, что представляемое лицо способно делать, не изменяя своей первоначальной сущности» — так определял «нравы» популярный «Dictionnaire dramatique» (1776).¹ Более просто объясняет соотношение понятий «характер» и «нрав» «Словарь древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова. «Греческое слово характер означает: отличительное свойство. Не должно смешивать характер с нравом. Характер есть врожденное расположение действовать таким, а не другим образом; чрез нрав разуметь должно расположение действовать приобретенное навыком, воспитанием, примерами. Разность сию можно так объяснить: NN родился с характером властолюбивым, свирепым, гордым, но, смотря на него, можно подумать, что он человек самого кроткого нрава».²

В «Бригадире» «нравы» превалируют над «характерами». Свежесть подхода Фонвизина к разрешению поставленной им себе задачи в том и заключалась, что персонажи его пьесы, за исключением бледных Софьи и Добролюбова, явно неудавшихся автору, — все даны с той «основой их свойств», о которой говорят французские теоретики. Комедия Фонвизина известна нам под заглавием «Бригадир», но, как свидетельствует «Опыт словаря о российских писателях» Новикова (1772), она называлась «Бригадир и бригадирша», очевидно, с целью обратить на основных героев внимание зрителя и читателя, начиная с заглавия. Что же создало «харак-

¹ [De la Porte et Chamfort.] Dictionnaire dramatique. P. 1776, t. II, p. 244.

² Остолопов, Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. Спб. 1921, ч. III, стр. 454.

тиры», как говорили в XVIII в., бригадира и бригадирши? Каковы были те «conditions», те «условия», которые сформировали этих героев?

Верный теории «нравов» и «условий», Фонвизин уже в первом явлении первого действия знакомит нас, — как будто мимоходом, — с обстановкой, которая определила грубость, резкость и тупость бригадира и скупость, забитость и ограниченность бригадирши: «О, Иванушка! — говорит бригадирша, — Бог милостив, вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, в военной службе не служил, и жена твоя не будет таскаться по походам без жалованья, ни отвечать дома за то, чем в строю мужа раздражили. Мой Игнатей Андреевич вымещал на мне вину каждого рядового».¹

Как глубокий и искренний художник, Фонвизин ограничивается в первом явлении первого действия только этими немногими штрихами, позволяющими зрителю и читателю составить себе достаточно отчетливое представление о полной нужды походной жизни этой семьи до бригадирства Игнатия Андреевича, о вспыльчивости и «крутом нраве» бригадира и т. д. Во всем дальнейшем течении пьесы, — в первом, втором и третьем действиях, — Фонвизин предлагает аудитории большой материал, чтобы к концу комедии уже прямо поставить вопрос о том, что же представляют собой главные герои «Бригадира». Во втором явлении четвертого действия, после того, как бригадирша Акулина Тимофеевна на протяжении трех действий почти на каждом шагу говорила глупости и несообразности, проявляла скупость и грошовую расчётливость и не могла даже понять приставаний советника, Фонвизин неожиданно открывает в ней черты доброй, страдающей и безропотно покорной русской женщины. В комнату, где находятся Софья и Добролюбов, бригадирша «пришла так, поплакать в свою волю». Софья спрашивает ее, о чем она плачет. В ответ бригадирша говорит: «О том, что мне грустно. Теперь Игнатей Андреевич напади на меня ни за что, ни про что; ругал, ругал, а Господь ведаёт, за что: уж я у него стала и свинья и дура. А вы и сами видите, дуралия».²

Весьма вероятно, что самому автору была неясна вся сила и значение созданного им образа. Повидимому, и для Фонвизина и для его современников самым важным в брига-

¹ Материалы для полн. собр. соч. Фонвизина, стр. 130.

² Там же, стр. 189.

дирше представлялось то, что она дура. По словам Фонвизина, и Никита Иванович Панин, человек умный и очень хорошо понимавший литературу, подчеркивал в оценках «Бригадира» глупость бригадирши: «Через несколько минут тонком чтении моего, — рассказывает Фонвизин в «Чистосердечных признаниях о чтении комедии у Павла Петровича, — произвел я во всех слушателях прегромкое хохотанье. Паче всего внимание графа Никиты Ивановича возбудила бригадирша. «Я вижу», сказал он мне, «что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо бригадирша ваша всем родня; никто сказать не может, что такую же Акулину Тимофеевну не имеет или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу». По окончании чтения, Никита Иванович делал свое рассуждение на мою комедию. «Это в наших нравах первая комедия», говорил он, «и я удивляюсь вашему искусству, как вы, заставляя говорить такую дурицу во все пять актов, сделали, однако, роль ее столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, если сия комедия столь много имеет успеха»...¹ Несколько дальше Фонвизин сообщает, будто Н. И. Панин, рекомендуя автора своему брату, гр. П. И. Панину, сказал: «У него, братец, в комедии есть одна Акулина Тимофеевна: когда он роль ее читает, тогда я самое ее и вижу, и слышу».²

Успех «Бригадира» несомненен: почти через 20 лет московский театрал-дилетант А. Анненков в своем «Драматическом словаре» писал по поводу этой пьесы следующее: «Бригадир. Комедия, сочинение г. Фонвизина, нравящаяся публике, часто представлялась на театрах, как в Санктпетербурге, так и в Москве завсегда к отменному удовольствию зрителей и не выходящая изо вкуса».³ Еще раньше, в 1772 г., Новиков в статейке о Фонвизине в «Опыте исторического словаря о российских писателях» писал: «Он сочинил комедию Бригадир и бригадирша, в которой острые слова и замысловатые шутки рассыпаны на каждой странице. Сочинена она точно в наших нравах, характеры выдержаны очень хорошо, а завязка самая простая и естественная».⁴

¹ Соч. Фонвизина, стр. 545.

² Там же, стр. 546.

³ Драматический словарь. М. 1787, стр. 28 (или перепечатка: Спб. 1881, стр. 28).

⁴ Ефремов, П. А. Материалы для истории русской литературы. Спб. 1867, стр. 115.

Известным показателем сценического успеха «Бригадира» может служить то обстоятельство, что пьеса эта ставилась и на Придворном театре силами великосветских театралов-любителей, что было отмечено даже в дворцовой летописи, «Камер-фурьерском журнале», скупом обычно на всякого рода точные указания иггранных вещей.¹

Что же так привлекало зрителей 1760-х—1770-х гг. в «Бригадире»? Из приведенных материалов явствует, что самым ценным представлялась современникам в комедии Фонвизина ее «естественность», близость к действительности. Позднее автор открыл секрет своего метода; он заключался в том, что в основу изображаемых лиц брались живые лица, «подлинники», как говорили в те годы. Вяземский в своей книге о Фонвизине, говоря о прототипах «Недоросля», прибавляет: «В «Бригадире» есть тоже намеки на живые лица, и между прочим на какого-то президента коллегии, который любил великорослых и по росту определял подчиненных своих на места».² Сам же Фонвизин сообщил точные сведения только об одном прототипе в «Бригадире», «подлиннике» бригадирши. Рассказывая об одном своем студенческом увлечении какой-то «девушкой, о которой можно сказать: толста, толста! проста, проста!», Фонвизин продолжает: «Она имела мать, которую ближние и дальние, словом — целая Москва признала и огласила набитой дурую». Дочь «умом была в матушку», и так как, — говорит Фонвизин, — «она мне уже надоела, то часто вызывали мы к нам матушку ее от скуки для поговорки (для разговора), которая, признаю грех мой, послужила мне подлинником к сочинению бригадиршиной роли; по крайней мере из всего моего приключения родилась роль бригадирши».³

Эти признания Фонвизина исключительно важны. «Подлинник» бригадирши, мать толстой девушки была всеми признана «набитой душой»; такой, очевидно, она представлялась и Фонвизину в студенческие годы. В зрелом же возрасте, создавая образ бригадирши, Фонвизин сумел за внешнею «набитой дуры» увидеть черты доброй, забитой женщины, жертвы своего грубого и косного окружения. Несколько позднее, во время своего первого заграничного путешествия, касаясь в письме к гр. П. И. Панину особенностей

¹ Дризен, Н. В., Материалы к истории русского театра. 2 изд., М. 1913, стр. 47.

² Вяземский. Фонвизин, стр. 219.

³ Соч. Фонвизина, стр. 535.

французской психики, Фонвизин делает несколько замечаний, представляющих интерес по их отношению к только что отмеченному приему обработки реальных материалов: «Разум их (французов) никогда сам на себя не обращается, а всегда устремлен на внешние предметы, так что всякий, обращая на смех другого, никак не чувствует, сколько сам смешон. Упражняясь весь свой век, можно сказать, не в себе, но вне себя, никто следовательно не проникает в подробность, а довольствуется смотреть на одну вещей поверхность; ибо познавать подробности невозможно, не рассматривая действий своего собственного разума, чтоб видеть, не ошибаюсь ли сам в моих рассуждениях».¹

Было бы непростительно пройти мимо только что процитированного отрывка, не вникнув в него, не уяснив, что здесь по существу ключ к фонвизинскому методу: наблюдения над реальной действительностью кладутся в основу изображаемой жизни не натуралистически, «одной вещей поверхностью», но «проникая в вещей подробность» и «рассматривая действия своего собственного разума». Это, можно без преувеличения сказать, начало триумфального шествия русского критического реализма, дальнейшим и решительнейшим успехом которого был «Недоросль».

Итак, «Бригадир», появившийся в 1769 г. и несомненно тогда же игранный,² представил важный момент в истории русской драматургии и театра. Любопытно, что после «Бригадира» сразу возникает ряд крупных драматических произведений, проникнутых реалистическими тенденциями, это — поздние комедии Сумарокова («Рогоносец по воображению», «Вздорщица», «Мать — совместница дочери»), комедии Екатерины II (1772) («О, время!», «Именины г-жи Ворчалкиной», «Г-жа Вестникова с семьей», «Передняя знатного боярина»), комические оперы Аблесимова («Мельник-колдун, обманщик и сват», 1772) и М. Попова («Анюта», 1772), Николева («Розана и Любим», 1772).

5

Излагая факты, относящиеся к успеху «Бригадира», Фонвизин сообщает в «Чистосердечном признании» о своем зна-

¹ Соч. Фонвизина, стр. 337—338.

² К сожалению, в Архиве дирекции имп. театров сохранились сведения о постановках «Бригадира» лишь с 1785 г. См. Архив дирекции имп. театров. Слб. 1892, вып. I, отд. III, стр. 151—152.

комстве в те же самые дни с гр. Н. И. Паниным, «которому я, — прибавляет наш автор, — никогда представлен не был». По словам Фонвизина, Панин сам остановил его, поздравил с удачей «Бригадира» и просил Фонвизина по приезду в Петербург прийти к нему для представления великому князю, воспитание которого было поручено Панину. Исполняя просьбу, Фонвизин прибыл во дворец, и о нем было доложено Панину: «В ту минуту позван был я к графу; он принял меня очень милостиво. «Я тотчас оденусь», сказал он мне, «а ты посиди со мною». Я заметил, что он в разговорах своих со мною старался узнать не только, какие я имею знания, но и какие мои моральные правила».

Эпизод этот очень существен. Гр. Н. И. Панин играл исключительно важную роль в русской общественно-политической жизни XVIII в., открыто возглавляя либерально-дворянскую оппозицию Екатерине II. Он старался усилить свою группу наиболее передовыми и влиятельными русскими деятелями тех лет. Фонвизин незаметно для себя сообщил нам данные о том, как Панин «прощупывал» своего будущего ближайшего сотрудника, знакомился с его нравственными и, конечно, и политическими взглядами. Может показаться странным, что Панин обратил внимание на Фонвизина, комедия которого, как было показано выше, была выдержана в благонамеренном духе, твердила об исчезновении взяточничества и т. д., в то самое время, когда вопрос о «лихоимстве подъячих» особенно жарко обсуждался на страницах сатирических журналов 1769 г. Могло создаться впечатление, что в лице Фонвизина перед Паниным сидел приверженец Екатерины, с которым, может быть, небезопасно было бы вести разговоры о «моральных правилах», неизбежно приводившие к темам политическим. Но о сатирическом творчестве Фонвизина Панин не мог не знать, во-первых, а кроме того, в «Бригадире» при всей его видимой благонамеренности есть несколько штрихов, роднящих эту комедию с передовыми сатирическими журналами 1769 г. в их борьбе с взяточничеством чиновников. Так, в последнем явлении первого действия Добролюбов говорит Софье о том, что его тяжёлое дело по поводу имения приходит к концу: «Оно давно бы уже и кончилось, только большая часть судей нынче взяток хотя и не берут, да и дел не делают: вот для чего до сих пор бедное мое состояние не переменяется». ² Но это за-

¹ Соч. Фонвизина, стр. 544—545.

² Материалы для полн. собр. соч. Фонвизина, стр. 151.

мечание не имеет еще особенно острого характера, хотя здесь подчеркивается, что взяточничество не полностью искоренено, а только большая часть судей взяток не берет; не раскрыто также и значение фразы «да и дела не делают». В шестом явлении третьего действия Добролюбов гораздо подробнее раскрывает плутни судейских чиновников: они «дорогу нашли такую, чтоб дело волочить и тем самым заставить жалеть публику уже и о том, что взятки запрещены, потому что, когда их брали, то сколько ни дорого становилось челобитчикам, однако деньгами можно было поспешить решением; напротив того, ныне взяток брать не смеют, следовательно пресекался последний путь к скорейшему решению дел». После исполненной высокого комизма реплики советника о том, что «решать дела даром, за одно свое жалованье» — «это против натуры человеческой», Добролюбов разъясняет, что ему пришлось прибегнуть к «вышнему правосудию», и судьи его «принуждены были строгим повелением решить дело». ¹ Таким образом, за видимостью благонамеренной комедии Фонвизин показывал бессилие законодательного либерализма, сведенного на нет чиновничьей практикой, показывал необходимость для «вышнего правосудия» в каждом отдельном случае «строгим повелением» заставлять подъячих исполнять законы.

Таким образом, «Бригадир» становился в один ряд с «Трутнем», «Смесью» и «Адской почтой», сатирическими журналами 1769 г., полемизировавшими по вопросу о взяточничестве с издававшей в том же году журнал «Всякая всячина» Екатериной. Поэтому-то и мог Панин без особенных опасений вести с Фонвизиним серьезный разговор, подготовивший приглашение последнего на должность секретаря в Коллегию иностранных дел. Еще в письме к родителям от 11 сентября 1768 г. Фонвизин жалуется, что непосредственно от Елагина никто не хочет брать его к себе на службу, опасаясь, очевидно, испортить отношения с начальником Фонвизина. В конце 1769 г. вопрос был решен так, что Елагину никак нельзя было обижаться: поскольку в 1763 г. Фонвизин был определен к Елагину, «числясь при Иностранной коллегии и получая жалованье по прежнему из оной Коллегии», президенту этой Коллегии, Н. И. Панину было вполне удобно отозвать своего чиновника от Елагина.

В самом конце декабря 1769 г. Фонвизин, после неожиданного смещения доверенного чиновника Панина, Козлов-

¹ Там же, стр. 185—186.

ского, становится личным секретарем Панина по Коллегии Иностранных дел.

Назначение Фонвизина привлекло серьезное внимание европейских дипломатических агентов в Петербурге. Так, французский посол Сабатье, сообщая 12 января 1770 г. (н. ст.) о происшедшей смене секретарей Панина, с удивлением отмечал назначение «г. Ванвизен», «на которого до сих пор смотрели как на человека рассеянного образа жизни и мало подходящего для выполнения столь деликатных поручений». ¹ Через неделю Сабатье снова касается того же вопроса: «Пристальное внимание (*toute l'attention*) иностранных министров к делу г. Козловского привело их ни к какому иному выводу, как то, что г. Панин удостоил г. Фонвизина («*Vanvizen*») доверия единственно из желания облагодетельствовать человека, являющегося шутком его и его друзей». ² В ответ на эти сообщения французский министр иностранных дел, Шуазель, писал 22 февраля 1770 г. Сабатье, что замена Козловского неприятна, т. к. есть сильные подозрения в его подкупности, но что его преемник не будет по видимому свободен от того же порока. ³

Дальнейшие события показали, как французские корреспонденты ошиблись в оценке отношений Панина и Фонвизина и степени пригодности Фонвизина к дипломатической деятельности. В короткое время он становится правой рукой опытного, старого дипломата Панина, в его руках сосредоточиваются многочисленные нити русской внешней политики, и можно не сомневаться, что в блестящих успехах нашей дипломатии тех лет значительная часть падает на долю Фонвизина. Вяземский, посвятивший несколько страниц своей книги службе Фонвизина у Н. И. Панина, освещает вопрос так: «По оставшимся после него (Фонвизина) бумагам, мы не можем заключить, имел ли он какой-нибудь политический голос в советах и решениях министра, но видим достоверно, что все письменные дела переходили через его руки и что он был постоянным посредником между им и главнейшими из современных русских дипломатов. Впрочем, если по некоторым указаниям верить, что граф Панин был несколько ленив и медлен в работе, то непосредственное участие Фонвизина в делах не подлежит никакому сомнению». ⁴

¹ Сборник Р. Ист. Об-ва, т. 143, стр. 86—87.

² Там же, стр. 91.

³ Там же, стр. 104.

⁴ Вяземский. Фонвизин, стр. 67.

Таким образом, нет необходимости ссылками на документы дипломатической переписки 1770-х гг., часто упоминающие Фонвизина, подтверждать, какую большую роль играл он в те годы в Коллегии иностранных дел. Но эта большая роль была сопряжена с огромной загруженностью его всякими служебными делами. «Если б не был я в таких обстоятельствах, которые не позволяют мне ни одной минуты считать собственно моею, — пишет 13 сентября 1773 г. Фонвизин своему университетскому товарищу, секретарю нашего посольства в Варшаве, Я. И. Булгакову, — то бы молчание мое пред вами было непростительно; но Бог и честные люди тому свидетели, что я веду жизнь в некотором отношении хуже каторжных, ибо для сих назначены, по крайней мере, в календаре дни, в коих от публичных работ дается им свобода».¹ В том же 1773 г. Фонвизин в письме к сестре, жалуясь на придворную развращенность и интриги, сосредоточивающиеся преимущественно против Н. И. Панина, пишет: «Ужасное состояние! Я ничего у Бога не прошу, как чтоб вынес меня с честью из этого ада».²

Неудивительно после этого, что в течение 1770-х гг. литературная плодovitость Фонвизина резко снижается. Может быть, он и пишет кое-что, но напечатано было им всего лишь две небольших вещи: в 1771 г. «Слово на выздоровление великого князя Павла Петровича», перепечатанное затем в новиковском «Живописце» (1772, ч. II, листы 3 и 4), и в 1777 г. перевод «Слова похвального Марку Аврелию» А. Тома.

«Слово на выздоровление Павла Петровича» было не простым упражнением в ораторской речи высокого стиля. За видимым и привычным в то время словесным восхвалением Екатерины настойчиво проводилась мысль о роли и значении Павла, которому в 1772 г. исполнялось 18 лет и передачу которому императорской власти Екатериной ожидали тогда многие.

Именно это ожидание внушило Фонвизину мысль обратиться в конце своего «Слова» к Павлу с «некими истинами, достойными его внимания».

«Истины» эти решительно обращены против Екатерины: «Буди властелином над страстями своими, и помни, что тот не может владеть другими с славою, кто собой владеть не

¹ Соч. Фонвизина, стр. 268.

² Там же, стр. 403.

может. Внимай единой истине и чти лесть изменою. Тут нет верности к государю, где нет ее к истине. Почитай достоинства прямые и награждай заслуги. Словом: имей сердце отверсто для всех добродетелей и будешь славен на земле, и угоден небесам».¹

В то же время «Слово на выздоровление» являлось и документом, разъяснявшим значение и роль Н. И. Панина в качестве воспитателя наследника. О Панине говорится дважды. Сначала «истинный сын отечества и усердный сердцем к Павлу» обращается к своему другу и сообщает об опасности, нависшей над Россией в связи с болезнью цесаревича: «Я видел Павлова наставника, сего почтенного мужа, умеющего столь много владеть движениями сердца своего, видел его стенаща и сокрывающа слезы своя. Когда Панин рыдает о Павловой опасности, Россия должна пролить источники слезные».² Еще значительнее второе упоминание о Панине в «Слове». Фонвизин называет своего патрона «мужем истинного разума и честности, превыше нравов сего века», он говорит, что воспитательная система Панина вкоренила в душу Павла те «добродетели, которые составляют счастье народа и должность государя» и утверждает, что заслуги Панина отечеству «забвенны быть не могут».³ Таким образом, «Слово на выздоровление великого князя» являлось политическим документом, ставившим целью с помощью апелляции к широким кругам читателей укрепить позиции Панина, удалить которого с занимаемого им поста наставника Павла стремились враждебные придворные группировки.

Аналогичный характер политического документа имеет перевод «Слова похвального Марку Аврелию» А. Тома. Обращенное к идеальному монарху, «философу на престоле», «Слово» Тома полно намеков, позволяющих легко применять его к русской действительности 1770-х гг., и это обстоятельство оправдывало появление фонвизинского перевода. Достаточно привести конец «Слова», чтобы убедиться в правильности сказанного. Старец Аполлоний, держа гроб Марка Аврелия в своих объятиях, обращается к Коммоду, наследнику императора, и говорит: «...Помяни бремя, наложенное на тебя богами. Помяни должности владыки и права подданных... Скоро скажут тебе, что ты всемогущ, но обманут тебя: пределы власти твоя суть в законе. Скажут еще тебе,

¹ Соч. Фонвизина, стр. 185—186.

² Там же, стр. 182.

³ Там же, стр. 184.

что ты велик, что ты своим народом обожаем». Аполлоний историческими примерами убеждает Коммода не верить этим обольщениям. «Не ослепляйся также и почитаниями, — продолжает он. — Если ты не будешь добродетелен, то почтен будешь наружно и ненавидим внутренно. Поверь мне, что нельзя обмануть народов. Ни в чьем сердце оскорбленное правосудие не усыпляется. Царь мира! Ты можешь меня заставить умереть, но не можешь заставить сердца моего почитать тебя».¹

В эти же годы Фонвизин пишет полупереводную, полуоригинальную работу, озаглавленную: «Краткое изъяснение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина (сословия)». По предположению Вяземского, этот трактат, развивающий передовые идеи эпохи о прогрессивном значении третьего сословия, был написан по поручению начальства. Несомненный интерес Фонвизина к роли буржуазии и обуржуазивающегося дворянства засвидетельствован еще ранее, в 1766 г., изданным им переводом книги аббата Куайе «Торгующее дворянство, противоположенное дворянству военному, или Два рассуждения о том, служит ли то к благополучию государства, чтобы дворянство вступало в купечество?» Весь комплекс идей, затронутых Фонвизинным в «Торгующем дворянстве» и в «Кратком изъяснении», позднее художественно претворился в образе Стародума, который в Сибири, повидимому, в качестве горнопромышленника, нажил значительное состояние, дающее ему десять тысяч дохода в год.

Таким образом, в течение семидесятых годов литературная деятельность Фонвизина почти сходит на нет, во всяком случае, ни одного художественного произведения не написал он в эти годы. Очевидно, служебная и политическая деятельность захватила его полностью и не оставляла времени для занятий литературой и театром. Письма его к родным, относящиеся к этому периоду, в противоположность письмам предшествующего десятилетия, совершенно лишены упоминаний о посещаемых спектаклях и театральных связях.

Фонвизин все теснее и теснее входит в круг Панина, делается самым доверенным человеком как самого Никиты Ивановича, так и его брата, гр. Петра Ивановича, крупного военного деятеля екатерининской поры. Дружеские отношения П. И. Панина к Фонвизину были настолько прочными

¹ Соч. Фонвизина, стр. 647—648.

и глубокими, что Панин, возглавляя борьбу с Пугачевым, находит в самый критический момент военных операций время переписываться с Фонвизиним и сообщать ему свои мрачные опасения. В свою очередь Фонвизин ведет с П. И. Паниным регулярную переписку, сообщает ему все сколько-нибудь важные новости дипломатического характера, сопровождая их иногда копиями интересных документов.

Из материалов, освещающих отношения между Н. И. Паниным и Фонвизиним, можно сделать заключение, что последний не был простым исполнителем предписаний и распоряжений своего начальника, но, памятуя отмеченную Вяземским. лень и медленность Панина в работе, был, по живости своей натуры, лицом активным. Екатерина II, человек с незаурядным психологическим чутьем, так определяла характер Н. И. Панина: «Г. Панин, обладая многими дарованиями, имеет однако малодушное и слабое сердце. Он способен предаться всякому, кто льстит ему и ухаживает за ним, и слабость его к окружающим доходит до того, что они большею частью руководят им, между тем, они — люди презренные». ¹ Заметка эта относится как раз к тому времени, когда Фонвизин был правой рукой своего патрона, и слова Екатерины о «презренных людях», окружающих Панина, почти безусловно относятся к нашему автору.

У Екатерины были достаточные основания для того, чтобы так резко отзываться об окружении Панина и тем самым о нем. «Бригадир» показал Екатерине, что в лице Фонвизина возник писатель огромного дарования, которого можно умело использовать в своих интересах, а усилить ряды своих литературных единомышленников было для Екатерины в 1769 г., в период полемики с «Трутнем» Новикова и другими оппозиционными сатирическими журналами, крайне важно. Поэтому-то и обошлась она с Фонвизиним, как он позднее вспомнил в «Чистосердечном признании», чрезвычайно милостиво. Но Фонвизин не оправдал ожиданий и надежд Екатерины: он быстро переходит на службу к Панину, т. е. становится в ряды противников Екатерины. «Уступчивый и в высшей степени гибкий в отношениях с иностранцами, Панин сумел двадцать лет держаться у кормила правления при государыне, сына которой он, заведомо для нее, воспитывал в нежелательном для нее напра-

¹ Шумигорский, Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. Спб. 1907, стр. 15—16.

влении; мало того, он был единственным из ее подданных, который встал по отношению к ней в независимое положение как негласный опекун ее сына. В довершение всего, на долю Никиты Ивановича Панина выпала странная судьба: не успев сам сделаться фаворитом при Елизавете, Панин главной целью своей деятельности при Екатерине поставил борьбу против фаворитов, для вящего успеха явившись покровителем одного из них, Васильчикова». ¹

Служба у Панина, дружеские отношения с ним и с его опальным братом, резкий сатирический склад ума и способность быстро находить острые и меткие словечки-характеристики, — все это не могло не возбудить в Екатерине недовольства против Фонвизина. Ко всему этому присоединилось и то, что своим «Словом на выздоровление великого князя Павла Петровича» Фонвизин публично заявил себя сторонником «законного» наследника престола или, — что то же, — противником узурпировавшей власть Екатерины. Каковы ни были внешне почтительны и верноподданнычески благонамерены заявления Фонвизина по адресу Екатерины в семидесятых и восьмидесятых годах, в силе оставалась несомненно известная императрице фраза из «Похвального слова Марку Аврелию»: «Если ты не будешь добродетелен, то почтен будешь наружно и ненавидим внутренно». А Екатерина хорошо знала, каково мнение общества о ее добродетелях, и понимала истинную цену наружного почтения Панина, Фонвизина, Новикова и других оппозиционно настроенных деятелей того времени. Для Екатерины отношения подданных к Павлу Петровичу служили мерилom приверженности их к ней самой. Понятно поэтому, как должна была расценить Екатерина тот факт, что Панин, получив от нее в 1773 г. в «благодарность за воспитание Павла» 9000 душ крепостных, подарил около четырех тысяч трем своим секретарям, в том числе 1180 душ Фонвизину, за то, что они «разделяли труды его».

Выше была процитирована характеристика Панина, сделанная историком Е. С. Шумигорским, отметившим, что делом жизни Панина была борьба с фаворитизмом. Для XVII, в особенности XVIII в. фаворитизм был широко распространенным явлением европейской политики. Не следует думать, что вереницы фаворитов и фавориток петербургского двора, более знакомые читающей публике, представляли что-либо

¹ Шумигорский. Там же, стр. 17.

исключительное на фоне других европейских дворов: и во Франции, и в Испании, и в Дании, Австрии, многочисленных немецких владетельных домах фаворитизм превратился в узаконенную обычаем политическую систему. Неудивительно поэтому, что позднее, в 1780-х гг., Фонвизин нападал на фаворитизм в своей «Всеобщей придворной грамматике», которая, по словам автора, «не принадлежит частно ни до которого двора», но «есть всеобщая». Фонвизин склонен был даже выводить эту систему фаворитизма из древней Азии, «где, как сказывают, был первый царь и первый двор».¹

Борьба Панина с фаворитизмом особенно усилилась в середине 1770-х гг., когда Екатерина целиком отдалась обаянию такого незаурядного и в то же время неуравновешенного, капризного и властного человека, каким был Потемкин. Фонвизин принимал, как всегда, живое участие в борьбе Панина с Потемкиным, своим бывшим товарищем по университету. Есть указания в литературе, что «один случай острого слова, на счет князя Потемкина, навлек ему беспокойство, от которого выпросил он себе отпуск и, в 1777 г. отправясь путешествовать по Европе, около года провел в сем странствовании».² Официальной причиной заграничного путешествия Фонвизина была болезнь его жены (он женился в 1774 г.), Екатерины Ивановны, по первому мужу Хлоповой, рожденной Роговиковой. Но высказывались также едва ли обосновательные предположения, что поездка Фонвизина имела и тайные политические цели.³ Возможно, — на эту мысль наводят встречи его с Франклином, представительствовавшим в то время «Американские селения (колонии)», восставшие против своей метрополии, Англии, — что Панин поручил Фонвизину войти в контакт с этим деятелем американской революции.⁴

Многочисленные письма Фонвизина к родным и П. И. Панину (письмо к родителям и Н. И. Панину, на которые ссылается Фонвизин в обращениях к другим корреспондентам, к сожалению, не сохранились), пополняя взаимно друг друга, дают нам прекрасный материал для суждений о значении

¹ Соч. Фонвизина, стр. 288.

² Евгений, митрополит. Словарь русских светских писателей. 1845, т. I, стр. 77.

³ Жданов, И. И. Соч. Спб. 1907, т. II, стр. 156.

⁴ К таким же выводам пришел Г. П. Макогоненко в своей рукописной диссертации о Новикове.

этого путешествия в интеллектуальной и творческой жизни Фонвизина.

Поездка длилась несколько более года. Выехав в начале августа 1777 г., Фонвизины вернулись в Петербург в конце октября или начале ноября 1778 г. Во Франции они провели свыше десяти месяцев, из них в Париже — свыше пяти. Письма Фонвизина обстоятельны, живы, интересны как с фактической, так и психологической стороны. Резкие и подчас несправедливые суждения Фонвизина в этих письмах о французах, о их национальном характере, о выдающихся деятелях эпохи Просвещения неоднократно вызывали недоумения, а иногда и негодование исследователей, не останавливавшихся перед обвинением Фонвизина в шовинизме, в квасном патриотизме и т. п. В таких оценках позиции Фонвизина нет исторической точки зрения, и это лишает подобные упреки их силы. Необходимо помнить, что представляла Франция и специально Париж для русского общества 1760-х — 1770-х гг. С одной стороны, для светской и среднедворянской молодежи, в большом числе отправлявшейся в Париж, это была своего рода законодательница вкусов и мод, посещение которой давало право на высокомерно-презрительное отношение к своему национальному. «Молодые российские поросята» возвращались оттуда «совершенными свиньями», как писал об этом новиковский журнал «Трутень». Холопское преклонение перед Парижем, его обольщениями, забавами, блеском, обаятельным легкомыслием веселящейся *société*, — характерно не для одних только безвестных Каров и Машковых, о которых Фонвизину сестра его Федосья сообщала, что они называют Париж земным раем. Фонвизин приводит любопытный факт, рисующий полное отсутствие чувства собственного достоинства и холопство русской аристократии. Говоря о гордости французской знати, он сообщает, что графиня Шувалова ездит ко многим, а к ней никто. Такова была магнетическая, притягательная сила Парижа для одной части русского общества второй половины XVIII в.

Для мыслящей же и оппозиционно по отношению к Екатерине настроенной части тогдашнего общества Франция, вернее, Париж был обетованной землей Вольтера, Руссо, энциклопедистов, средоточием могучей политической мысли, неотразимого, страстного красноречия, волнующей и покоряющей проповеди прав личности и народа. В условиях деспотического режима Екатерины II, только что подавившей народное движение, возглавленное Пугачевым, в обстановке

быстрой и ничем не прикрытой смены фаворитов — честные и вдумчивые люди второй половины 1770-х гг. особенно склонны были идеализировать французскую жизнь, известную им по книгам и по необъективным рассказам увлекавшихся «русских французов». Можно поэтому представить себе, какое горькое разочарование неизбежно должно было постигнуть таких людей, как Фонвизин, когда их трезвому и настроенному вниманию предстала разоренная, нищая и словно в каком-то чаду кутящая Франция, которой через 11—12 лет предстояло свергнуть растленный и позорный «старый порядок».

Строгость и неотрицаемая пристрастность Фонвизина проистекали не от его мнимого квасного патриотизма, а от подлинной и глубокой любви к своему родному народу, от искреннего и настоящего патриотизма. Лучше всего это видно из письма Фонвизина к его школьному приятелю, а затем сослуживцу, Я. И. Булгакову. Из Монпелье Фонвизин писал в конце января 1778 г. так: «Наскучаю вам описанием нашего вояжа, скажу только, что он доказал мне истину пословицы: славны бубны за горами. Право, умные люди везде редки. Если здесь прежде нас жить начали, то, по крайней мере, мы, начиная жить, можем дать себе такую форму, какую хотим, и избежать тех неудобств и зол, которые здесь вкоренились. *Nous commençons et ils finissent*. Я думаю, что тот, кто родится, посчастливее того, кто умирает».¹

Вот именно это сознание, что «мы начинаем жить» и что, избирая себе желательные «формы», мы должны «избежать вкоренившихся здесь неудобств и зол», — руководило Фонвизиним, когда он с большей подробностью и вниманием останавливался на отрицательных явлениях французской жизни того времени, нежели на фактах положительных. Мысль эта не покидала Фонвизина во все время его путешествия. Из Монпелье он пишет сестре 20 ноября 1777 г.: «Я думал сперва, что Франция, по рассказам, земной рай, но ошибся жестоко. Все люди, и славны бубны за горами. Удивиться должно, друг мой сестрица, какие здесь невежды. Дворянство особливо ни уха, ни рыла не знает. Многие в первый раз слышат, что есть на свете Россия и что мы говорим в России языком особенным, нежели они. Человеческое воображение постигнуть не может, как при таком множестве способов к просвещению, здешняя земля полнехонька невеждами...

¹ Соч. Фонвизина, стр. 272—273.

Можно сказать, что в России дворяне по провинциям несказанно лучше здешних, кроме того, что здешние пустомели имеют наружность лучше».¹ Через четыре месяца, на этот раз из Парижа, Фонвизин снова пишет сестре: «Ни в чем в свете я так не ошибался, как в мыслях моих о Франции. Радуюсь сердечно, что я ее сам видел и что не может уже никто рассказами своими мне импозировать... Славны бубны за горами — вот прямая истина».²

Отрезвляющее действие пребывания в Париже сопровождалось у Фонвизина ростом национального самоуважения. Письма его к сестре и П. И. Панину, в особенности к последнему, не владевшему французским языком³ и лишенному поэтому возможности знакомиться с сочинениями о современной Франции, полны наблюдений и суждений о национальном характере французов. Кн. Вяземский в своей книге о Фонвизине с некоторым торжеством «уличил» нашего автора в заимствованиях из французских публицистов того времени в изображении тогдашних французов. Однако эти заимствования, отрицать которые не приходится, нисколько не лишают самостоятельности общий характер оценок Фонвизина. Происходит это потому, что свои наблюдения и размышления о «национальном характере» французов Фонвизин строит, исходя из глубокого национального самоуважения, из оригинальной концепции русского «национального характера»: «Если вы воображали, — пишет он сестре в предпоследнем письме из Парижа в июне 1778 г., — что мы пленимся чужими краями, то как обманулись. — Со всем тем я очень рад, что видел чужие края. По крайней мере, не могут мне импозировать наши Jean de France. Много приобрел я пользы от путешествия. Кроме поправления здоровья, научился я быть снисходительнее к тем недостаткам, которые оскорбляли меня в моем отечестве. Я увидел, что во всякой земле худого гораздо больше, нежели доброго; что люди везде люди; что умные люди везде редки; что дураков везде изобильно, и словом, что наша нация не хуже ни которой, и что мы дома можем наслаждаться истинным счастьем, за которым нет нужды шататься в чужих краях».⁴

Относясь в общем отрицательно к тому, что приходилось ему видеть во Франции, Фонвизин был, однако, далек

¹ Соч. Фонвизина, стр. 418–419.

² Там же, стр. 436.

³ Грот Я. К. Труды. Спб., т. 3, стр. 80.

⁴ Соч. Фонвизина, стр. 444.

от того, чтобы целиком отвергать французскую культуру и не признавать отдельных положительных сторон ее. К числу таких бесспорно признаваемых достижений французской цивилизации Фонвизин относил французский театр, точнее, французскую комедию.

Следует предварительно заметить, что заграничные письма Фонвизина дают, подобно письмам 1760-х гг., обильный материал о его театральных интересах. Так, первое же письмо к сестре из Варшавы Фонвизин кончает следующим образом: «А прогос, надо тебе сказать нечто и о польских спектаклях. Комедий видели мы с десятков, переводных и оригинальных. Играют изрядно; но польский язык в наших ушах кажется так смешон и подл, что мы помираем со смеху во всю пиесу; да правду сказать, странно и видеть любовника плешивого, с усами и в длинном платье».¹ К сожалению, писем Фонвизина из Германии не сохранилось, не дошел до нас и «особливый журнал вояжа», о котором он упоминает в первом письме к сестре из Монпелье; но можно не сомневаться, что и в течение трехнедельного пребывания в Дрездене и в более короткие остановки в других немецких, а затем и французских городах Фонвизин с женой посещали театр. В Лионе наши путешественники провели неделю: «Каждое утро с рассветом до обеда, а потом до спектакля, — пишет он сестре, — упражнены мы были осмотрением города, а потом ходили в театр, который после парижского, во всей Франции лучший».²

Поселившись в Монпелье, Фонвизины также регулярно посещают театры и концерты. После ряда беглых упоминаний о посещении комедий, Фонвизин в одном из писем более подробно характеризует и театральную игру, и нравы французской публики того времени. «На сих днях, — читаем мы в письме к сестре, отправленном 31 декабря 1777 г., — начался карнавал. Театр открыт известным Мольеровским фарсом «Пурсоньяк». Я не описываю тебе здешнего театра; скажу только, что актера два-три хороши, а прочие скверны».³

Но особенно многочисленны и сравнительно подробны сообщения и замечания Фонвизина о его парижских театраль-

¹ Соч. Фонвизина, стр. 412. „Изрядный“ в XVIII в. значило „из ряда вон хороший, отличный, превосходный“ (Даль, II, 76). „Подлый“ — вульгарный.

² Там же, стр. 415.

³ Там же, стр. 429.

ных впечатлениях. В каждом из таких наблюдений чувствуется внимательный, серьезный и тонкий ценитель, не ослепленный и провинциально восторженный «скиф», какими любили изображать русских путешественников французы середины XVIII в., преклоняющийся перед непогрешимым, на его взгляд, и недостижимым искусством, а независимый и авторитетный судья, строгий и осмотнительный мастер. Замечания Фонвизина разнообразны по фактическому материалу и по своим темам. Сестре он сообщает и об игре актеров, и о репертуаре, и об общем характере французского театра. В письмах к П. И. Панину театральным впечатлениям отводится значительно места, но письма к обоим этим корреспондентам, пополняя друг друга, дают обильный материал для суждений о том, что особенно обратило внимание нашего комедиографа.

«Поговорим теперь о спектаклях, — уже в первом парижском письме 11 марта 1778 г. предлагает Фонвизин. — Могу тебя уверить, что французская комедия совершенно хороша, а трагедию нашел я гораздо хуже, нежели воображал. Место покойника Лекеня заступил Ларив, которого холоднее никто быть не может; но в комедии есть превеликие актеры. Превиль, Моле, Бризар, Оже, Долины, Вестрис, Сенвальша — вот мастера прямые». Чрезвычайно значительно следующее непосредственно за только что цитированным местом наблюдение Фонвизина: «Когда на них смотришь, то конечно забудешь, что играют комедию, а кажется, что видишь прямую историю».¹ Замечание это тем более важно, что оно показывает, как относился Фонвизин к реалистическим тенденциям буржуазной «серьезной комедии» Дидро, к театру, осуществлявшему принципы Мерсье.

К общим оценкам французского театра Фонвизин возвращается в своих письмах неоднократно, развивая и дополняя сказанное ранее. «Спектакли здесь такие, — пишет он сестре в апреле 1778 г., — каких совершеннее быть не может. Трагедия после Лекеня, Клеронши, Дюменильши, конечно, упала, но комедия в наилучшем цвете. Опера есть великолепнейшее зрелище в целом свете. Итальянский спектакль очень забавен. Сверх того есть много других спектаклей. Все каждый день полнешеньки».² Письмо к П. И. Панину от 14 июня 1778 г. дает несколько дополнительных штрихов к этой характеристике. В частности Фонвизин подробнее

¹ Там же, стр. 435.

² Там же, стр. 440.

говорит об опере и раскрывает смысл своего отзыва об этом жанре: «Оперу можно назвать великолепнейшим зрелищем. Декорации и танцы прекрасны, но певцы прескверны. Удивился я, как можно бесстыдно так реветь, а еще более, как можно такой рев слушать с восхищением».

Самые замечательные высказывания Фонвизина о французском театре, имеющие характер итоговых формулировок, даны в только что цитированных письмах, в апрельском к сестре и в июньском к П. И. Панину. В письме к Федосье Ивановне Аргамаковой-Фонвизиной Денис Иванович хотел дать полную характеристику французской комедии, но по каким-то причинам (возможно, оттого, что спешил перейти к описанию — и, надо признать, блестящему — парижских «девок», кокоток) остановился на полпути. Но письмо к П. И. Панину служит как бы завершением недописанной ранее оценки. «Два примечания скажу тебе о здешних спектаклях, — пишет он сестре, — и поверь, что скажу сущую правду. Кто не видел комедии в Париже, тот не имеет прямого понятия, что есть комедия. Кто же видел здесь комедию, тот нигде в спектакль не поедет охотно, потому что после парижского смотреть другого не захочет. Не говорю, чтоб у нас или в других местах не было актеров, достойных быть в здешней труппе, но нигде нет такого *ensemble*, каков здесь, когда в пьесе играют все лучшие актеры. Два дни в неделе играют дубли. Тогда действительно и парижский спектакль гроша не стоит». Как мы видим, обещав дать два примечания о парижской сцене, Фонвизин ограничился одним, об ансамблевой игре комических актеров. Второе примечание, как сказано было выше, включено в июньское письмо к П. И. Панину. «Что же принадлежит до спектаклей, то комедия возведена здесь на возможную степень совершенства. Нельзя, смотря ее, не забыться до того, чтоб не почесть ее истинною историею, в тот момент происходящую. Я никогда себе не воображал видеть подражание натуре столь совершенным. Словом, комедия в своем роде есть лучшее, что я в Париже видел».

Итак, два важнейших наблюдения вынес Фонвизин из своих многократных, регулярных посещений парижских театров: во-первых, совершенное подражание натуре, отказ от условной сценичности, от «характеров», от комизма положений, чем грешил еще «Бригадир», и, во-вторых, осознание значения ансамбля как актерского, так и «персонажного», позволим себе такой термин. Впрочем, уже в «Бригадире» Фонви-

зин применил этот прием, и мы не можем сказать, кто в этой комедии главные, кто второстепенные персонажи. Парижские комедийные впечатления заставили Фонвизина отнестись к этой интуитивной находке сознательно и поэтому в «Недоросле» при всей иерархии действующих лиц, обусловленной «законом театрального интереса», и второстепенные персонажи, вроде Еремеевны, Кутейкина, Цыфиркина, Вральмана и даже портного Тришки, выписаны автором с такой тщательностью, которая может быть объяснена только как результат осознания принципа «персонажного» ансамбля.

6

Длившееся более года пребывание во Франции дало Фонвизину очень много. Он встречался с выдающимися людьми того времени, Даламбером, Франклином, Тома, Мармонтелем, видел несколько раз Вольтера, бывал во Французской Академии и в Академии Наук, его приглашали в новообразовавшееся литературное общество, на одном из заседаний которого он «имел удачу понравиться в собрании рассказыванием о свойстве нашего языка»; он внимательно и серьезно изучал быт, нравы и характер французов, памятники прошлого, картинные галереи и архитектурные достопримечательности. Еще внимательнее и систематичнее протекало изучение французской драматургии и сценического искусства. Многие вызывало со стороны экспансивного Фонвизина быстрые, чересчур, может быть, поспешные заключения, но все «к размышлению влекло». Старая, еще со времен первых поездок русских людей за границу, тема, тема, с особенной силой поставленная Тредиаковским в «Стихах похвальных городу Парижу» и в «Стихах похвальных России», — проблема «чужого» и «своего», нашла в письмах Фонвизина новое и глубокое выражение.

Итог своих впечатлений, наблюдений и размышлений Фонвизин сформулировал еще в первые месяцы своего пребывания в Париже. В письме к П. И. Панину он писал: «Надобно отрешиться вовсе от общего смысла и истины, если сказать, что нет здесь весьма много чрезвычайно хорошего и подражания достойного. Все сие однако ж не ослепляет меня до того, чтоб не видеть здесь столько же, или и больше, совершенно дурного и такого, от чего нас Боже избави. Словом, сравнивая и то и другое, осмелюсь вашему сиятельству чистосердечно признаться, что, если кто из молодых моих со-

граждан, имеющий здравый рассудок, вознегодует, видя в России злоупотребления и неустройства, и начнет в сердце своем от нее отчуждаться, то для обращения его на должную любовь к отечеству, нет вернее способа, как скорее полать его во Францию. Здесь, конечно, узнает он самым опытом очень скоро, что все рассказы о здешнем совершенстве сушая ложь, что люди везде люди, что прямо умный и достойный человек везде редок и что в нашем отечестве, как ни плохо иногда в нем бывает, можно однако быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой земле, если совесть спокойна и разум правит воображением, а не воображение разумом».

Письма Фонвизина из Франции не все дошли по адресу, и автор их знал об этом. Иногда проскальзывают фразы, что «неприлично изъясняться об оном (о национальном характере французов) откровенно отсюда» или, что по приезде «на словах сообщу подробнее» и т. д. Все это показывает, что Фонвизин знал, а как работник Иностранной коллегии не мог не знать, что и во Франции и в России того времени действовали «черные кабинеты», перлюстрировавшие частную корреспонденцию. Поэтому письма Фонвизина, в особенности «благонадежные» суждения его должны быть принимаемы с поправкой «на перлюстрацию».

Но если Фонвизин даже и вполне искренно писал, что в России «можно быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой земле», то по возвращении на родину он не мог не убедиться в том, что искренний патриот должен с глубокою болью смотреть на происходящее вокруг: он вернулся в Петербург в самый расцвет системы фаворитизма в России. За месяц до отъезда Фонвизина за границу «упал», т. е. лишился милостей Екатерины, ее фаворит П. В. Завадовский. Он был «в случае» всего полтора года и за это время получил около 1½ миллионов рублей (екатеринский рубль равнялся 6 золотым рублям 1913 г.), т. е. около 10 миллионов золотых рублей по ценам XX в. «В общей сложности фавориты, сменившиеся после Завадовского, получили до пятнадцати миллионов рублей, не считая тайных даров и участия под чужим именем в выгодных предприятиях — в откупках, поставках, подрядах. Втрое больше, чем все они вместе (до пятидесяти миллионов рублей) получил один Потемкин... Двор был маховым колесом в государственной машине Екатерины II, двигалось же оно по воле Потемкина и его креатур. Минувя двор, получить видную

должность, крупную награду, выгодный подряд не было почти никакой возможности, а при дворе все зависело от партий, которые поддерживали фаворитов или боролись с ними. Фаворитизм был своего рода государственным учреждением и одним из виднейших факторов в создании экономического могущества русских дворянских родов XVIII в. Нужны были десятки, даже сотни лет, чтобы создать крупное имение в несколько тысяч десятин или накопить капитал в несколько сот тысяч рублей, не говоря уже о миллионах, а фаворит, даже столь незначительный, как Завадовский, становился миллионером в два года. Кроме того фаворитизм расслаивал дворянскую среду и поднимал на самый верх мелких, никому, кроме соседей, не ведомых помещиков; таким образом в первые ряды русского дворянства попадали потомки или родственники фаворитов, люди им близкие и нужные. Фаворит либо сам пробивался со своей родней в ряды высшей аристократии и бюрократии, либо помогал другим стать и удержаться в этих рядах. С появлением Потемкина фаворитизм вступил в период расцвета, а дворец русских государей, по выражению князя М. М. Щербатова, обратился в «дом распутия».

Но не только разгул фаворитизма застал Фонвизин по возвращении на родину. Ему пришлось увидеть во всем разгаре новую внутреннюю политику Екатерины, направленную на укрепление роли поместного дворянства. Если в первое десятилетие своего царствования Екатерина пыталась опереться на культурные слои столичного дворянства, применяя при этом либеральную фразеологию, может быть, не всегда искреннюю, — после подавления Пугачевского движения положение резко изменилось.

Взявший в свои руки власть Потемкин убеждает Екатерину в том, что истинной опорой трона являются не зараженные философским, религиозным и политическим свободомыслием немногочисленные передовые дворянские круги столицы, а мощное своей численностью деревенское дворянство.

В самом деле, только малокультурные, алчные, хищные помещики были заинтересованы в поддержке екатерининского правительства, так как лишь под его сенью могли они неприкрыто грубо, без каких бы то было стеснений и опасе-

¹ Барсков, Я. Л. А. Н. Радищев. Жизнь и личность. — Материалы к изучению „Путешествия из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева. Academia. М.—Л. 1935, стр. 123—124.

ний, эксплуатировать перешедшие в их собственность миллионные массы крепостных крестьян. В 1775 г., в связи с подавлением движения Пугачева, издается и в течение ближайших нескольких лет быстро осуществляется «Учреждение о губерниях». Это была важная реформа местного управления, резко усилившая власть помещиков, превратившихся в почти бесконтрольных рабовладельцев. Нельзя же было ожидать от губернаторов и городничих, таких же крепостников-дворян, как и помещики, находившиеся в данной губернии или уезде, каких-либо серьезных мер по ограждению личности и имущества бесправной крепостной массы. Угнетение крестьянства приобретает невиданные формы; наглое, жадное провинциальное дворянство с каким-то иступлением грабит и попирает человеческое достоинство своих крепостных. Все это делается так, словно не было ни Пугачева, ни опустошительной внутренней войны, поставившей дворянско-помещичье государство на край гибели.

За несколько лет, прошедших со времени подавления восстания Пугачева, положение крепостного крестьянства резко ухудшилось. Историк В. И. Семевский в замечательном исследовании «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» показал на основании огромного документального архивного и печатного материала, насколько бедственным было положение крепостных в этот период. Так, по приводимым Семевским данным, средняя величина всех денежных поборов с так называемых оброчных крестьян повысилась с начала царствования Екатерины к 1780-м гг. в $2\frac{1}{2}$ —3 раза. Но положение оброчных крестьян, по выводам Семевского, «было, за известными исключениями, довольно сносным», так как, кроме денег, ни помещик, ни приказчик ничего с них не требовали. «Напротив крепостные, состоявшие на барщине, были постоянно на глазах у своего барина или его управляющего, подвергались сплошь и рядом их вмешательству в свою жизнь и различным наказаниям. Положение барщинных ухудшалось всего более тем, что закон предоставлял помещику полную свободу требовать крестьян на работу, когда ему вздумается, так как вовсе не было определено, сколько дней он может заставить их работать на барщине».¹ Ко всем сложностям в вопросе о количестве дней барщины в неделю (в рабочее время) и в течение года вообще присоеди-

¹ Семевский, В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Изд. 2, Спб. 1903, стр. 61.

нялось еще и то, что «от произвола владельцев зависела продолжительность работы в течение каждого дня». Известно приводимое Семевским соглашение дворян двух близких к столице уездов, относящееся к 1780 г., «по которому было назначено работать в апреле и сентябре по 11—13 часов, а в летние месяцы по 14—16 часов в сутки». ¹ Семевский указывает, что «из всех крепостных печальнее всего было несомненно положение дворовых и особенно тех из них, которые находились для услужения в барском доме». ² Огромным бедствием было право помещиков продавать крестьян без земли и в розницу, разбивая семейную жизнь крепостных, разлучая детей с родителями и т. д. «К концу царствования Екатерины продажа людей в розницу приняла самый позорный вид: их продавали буквально наряду со скотом, причем наиболее сильный спрос был на красивых девушек; продаваемых даже толпами выводили на рынок, а в Петербург привозили целыми барками». ³ Не меньшим злом в жизни крепостных было право помещиков подвергать их всевозможным наказаниям. Большую главу своего исследования Семевский посвящает «наказаниям, каким подвергались крепостные»; при этом значительная часть этой специальной главы отведена изложению «истязаний, окончившихся смертью», и «убийств крепостных без истязаний». Приводя соответствующий фактический материал, Семевский отмечает еще одну интересную черту, что «во всех рассмотренных делах об истязаниях, окончившихся смертью, и где помещики были обвинены (их было 20), почти половина виновных (9 чел) — женщин. Если припомнить к тому же (истязательниц) кн. Козловскую и Дарью Салтыкову, то нельзя не признать справедливыми слова Массона, что русские помещицы оказывались еще кровожаднее мужчин; не лишено основания и его объяснение. Мужчины были не так невежественны, потому что большинство из них провело часть жизни на службе; помещицы же обыкновенно весь свой век жили среди людей, которых они привыкли считать своею собственностью». ⁴

Н. И. Панин и его единомышленники не могли без негодования смотреть на всю эту вакханалию. Они считали себя последовательными приверженцами принципа монархии, при

¹ Там же, стр. 67.

² Там же, стр. XV.

³ Там же, стр. XVII.

⁴ Там же, стр. 213.

котором монарх — первый слуга существующих в стране основных («фундаментальных») законов. Свои надежды, свои чаянья на создание в России настоящей «законной» монархии панинская группа теперь уже полностью перенесла на Павла Петровича, а в отношении к Екатерине заняла более или менее неприкрыто неприязненную позицию. Мемуары современников и более поздние записи отдельных эпизодов из скандальной хроники екатерининских времен рисуют обстановку, которая должна была вызывать горькое чувство негодования в каждом подлинном патриоте.

Фонвизин вернулся домой в несколько приподнятом настроении. Пятнадцатимесячная отлучка из России, длительное пребывание в чужой и непривычной обстановке — привели к известной идеализации оставленного на родине перед отъездом за границу. Во Франции Фонвизину искренно казалось, что «в нашем отечестве, как ни плохо иногда в нем бывает, можно однако быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой земле, если совесть спокойна и разум правит воображением, а не воображение разумом». Но, возвратившись домой, Фонвизин увидел, что не благоденствовать, а бороться должен честный писатель, бороться с фаворитизмом, с произволом верховной власти, с произволом помещиков над крепостными, с психологией рабов, со всем тем, с чем не мог мириться строгий, ясный разум и возмущенное гражданское чувство. Все эти горькие переживания писателя, горячо и искренно любящего свою родину, вместе с окончательно определившимися за границей театрально-эстетическими воззрениями, легли в основу гениальной комедии Фонвизина «Недоросль», работа над которой была закончена к 1782 г.

Но прежде чем обратиться к этой комедии, нужно остановиться еще на одном моменте. После совершеннолетия Павла Петровича, Н. И. Панин был лишен возможности часто встречаться со своим питомцем и оказывать на него прежнее воздействие. Будучи болен и чувствуя приближение конца, Н. И. Панин задумал в начале 1780-х гг. передать Павлу в письменном виде итог своих политических опытов и размышлений, с целью оградить будущего императора от повторения ошибок, допущенных верховной властью ранее. В связи с этим Н. И. Панин начал диктовать своему верному и надежному сотруднику, Д. И. Фонвизину, документ, получивший затем в науке название «Завещание Панина». Позднее, 1 октября 1784 г., гр. П. И. Панин, пересылая

Павлу Петровичу «Завещание» своего покойного брата (Н. И. умер 31 марта 1783 г.), сообщал наследнику престола, что Н. И. Панин «сочинял для поднесения вашему величеству рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления и оттого *«зыблемом состоянии как Империи, так и самых государей»*.¹ Далее П. И. Панин указывал, что в результате паралича Н. И. лишился употребления правой руки, а также «голова его перестала уже выносить долгую диктатуру», «для того, — продолжает П. И., — все оное рассуждение писано рукой Фонвизина из преподаваемых словесных только покойным *«назnamenований»*».²

Таким образом, такой авторитетный свидетель, как П. И. Панин, указывает, что автором «рассуждения о истребившейся в России совсем всякой формы правления» был Д. И. Фонвизин, якобы излагавший и лишь подробно развивавший устные указания («назnamenования») Н. И. Панина. Зная отношения между Паниным и Фонвизиным, можно не сомневаться в том, что Фонвизин не ограничился ролью простого «излагателя» чужих мыслей, но, безусловно, вкладывал и свои заветные идеи, облекая их в выношенные, отшлифованные формы.

Нет необходимости подробно излагать содержание «Завещания Панина». Достаточно сказать, что без внимательного изучения этого трактата, писанного Д. И. Фонвизиним, «Недоросль» его не будет понят правильно и до конца. Основным мотивом «Завещания» является борьба с фаворитизмом, устраняющим «всякую форму правления» и превращающим просвещенную монархию в тиранию. Вторым, не менее важным мотивом «Завещания» было исследование способов к исправлению «зыблемого состояния Империи».

С горечью характеризует Фонвизин в «Завещании» состояние своего отечества в результате разнузданной политики Екатерины.

Россия представляется Фонвизину как «государство, объемляющее пространство, какового ни одно на всем известном земном шаре не объемлет и которого по мере его обширности нет на свете малолюднее; государство, раздробленное слишком на тридцать больших областей, и состоящее можно сказать из двух только городов, из коих в одном

¹ Шумигорский, Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. Спб. 1907, Приложения, стр. 2.

² Там же, стр. 2.

живут люди большею частью по нужде, в другом большею частью по прихоти; государство, многочисленным и храбрым своим воинством страшное, и которого положение таково, что потеряннем одной баталии может бытие его вовсе истребиться; государство, которое силою и славою своею обращает на себя внимание целого света, и которое мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся и никем не предводимый, может привести, так сказать, в несколько часов на самый край конечного разрушения и гибели; государство, дающее чужим землям царей, и которого собственный престол зависит от отворения кабаков для зверской толпы буян, охраняющих безопасность царския особы; государство, где есть все политические людей состояния, но где некоторое не имеет никаких преимуществ и одно от другого пустым только именем различаются; государство, движимое вседневным и часто друг другу противоречащими указами, но не имеющее никакого твердого законоположения; государство, где люди составляют собственность людей, где человек одного состояния имеет право быть вместе истцом и судьей над человеком другого состояния, где каждый всегда может быть или тиран или жертва; государство, в котором почтеннейшее из всех состояний, долженствующее оборотом Отечество купно с государем и корпусом своим представлять нацию, дворянство, уже именем только существует и продается всякому подлецу, ограбившему Отечество; где знатность, сия единственная цель благородных души, сие достойное возмездие заслуг, от рода в род оказываемых Отечеству, затмевается фавером, поглотившим всю пищу истинного любочестия; государство не деспотическое, ибо нация никогда не отдавала себя государю в самовольное его управление и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления; не монархическое, ибо нет в нем фундаментальных законов; не аристократия, ибо верховное в нем правление есть бездушная машина, движимая произволом государя; на демократию же и походить не может земля, где народ, пресмыкаясь во мраке глубочайшего невежества, носит безгласное бремя жестокого рабства». ¹

Из этой пространной характеристики России «Завещание Панина» делает вывод, что «государство требует немедленного врачевания от всех зол, приключаемых ему злоупо-

¹ Шумигорский, Е. С. Император Павел I. Спб., 1907. Приложения, стр. 11—12.

греблением самовластия». Вместе с тем Панин — Фонвизин считают, что революционное переустройство страны, без предварительной подготовки, неизбежно подвергнет государство «конечному разрушению».

В полном соответствии с учениями французских просветителей, утверждавших, что «миром правят мнения», «Завещание Панина» полагает, что лишь с помощью внедрения правильных мнений, т. е. только с помощью воспитания можно переустроить общество и избавить государство от «конечного разрушения».

«В заключение, — читаем мы в последнем абзаце «Завещания Панина», — надлежит признать ту истину, что главнейшая наука правления состоит в том, чтоб уметь сделать людей способными жить под добрым правлением. На сие никакие именные указы не годятся. Узаконение быть добрыми не подходит ни под какую главу Устава о благочинии... Чтобы устроить нравы, нет нужды ни в каких пышных и торжественных обрядах. Свойство истинного величества есть то, чтоб наивеличайшие дела делать наипростейшим образом. Здравый рассудок и опыты всех веков показывают, что одно благонравие государя образует благонравие народа. В его руках пружина, куда повернуть людей, к добродетели или пороку. Все на него смотрят... Ни малейшие его движения ни от кого не скрываются. Если ж надеется он на развращение своей нации столько, что думает обмануть ее ложною добродетелию, сам сильно обманывается. Чтоб казаться добрым государем, необходимо надобно быть таким, ибо... быть узнану есть необходимая судьбина государей, и достойный государь ее не устрашается. Первое его титуло есть титуло честного человека, а быть узнану есть наказание лицемера и истинная награда честного человека. Он, став узнан своею нациею, становится тотчас образцом ее... Государь, добрый муж, добрый отец, добрый хозяин, не говоря ни слова, устрояет во всех домах внутреннее спокойство, возбуждает чадолюбие и самодержавнейшим образом запрещает каждому выходить из мер своего состояния. Кто не любит в государе мудрого человека? а любимый государь чего из подданных сделать не может? Оставляя все тонкие разборы прав политических, спросим себя чистосердечно: кто есть самодержавнейший из всех на свете государей? Душа и сердце возопиют единогласно: тот, кто более любим...»¹

¹ Там же, стр. 12—13.

В этой большой, но намеренно почти полностью приведенной цитате заключены две важные мысли Панина — Фонвизина: «государь, став узнан своею нацією, становится тотчас образцом ее» и «государь, добрый муж, добрый отец, добрый хозяин, не говоря ни слова, устрояет во всех домах внутреннее спокойство, возбуждает чадолюбие и самодержавнейшим образом запрещает каждому выходить из мер своего состояния». Пусть эти две мысли кажутся одна повторением другой, перифразом друг друга, — это не совсем так. Первая мысль имеет общий характер, представляет, с точки зрения Панина — Фонвизина, как бы «социально-психологический закон». Вторая — это конкретное применение первой на живом образце, на Екатерине, конкретное приложение в положительной, идеальной форме к отрицательному, далеко не идеальному объекту. Общее падение нравственности в придворном и столичном дворянском круге в те годы широко известно, распад семейной жизни, частые разводы, существование наряду с «законной фамилией» «незаконной», равнодушные к детям, роскошная, разорительная жизнь — все это было у всех на виду, и за все это, — полагает «Завещание Панина», — ответственна Екатерина, которую — мужеубийцу — никак нельзя признать «доброй женой» (о государе мужского пола «Завещание» говорит «добрый муж»), враждебность и холодность которой к Павлу Петровичу не дает никакого права применить к ней, что она «добрая мать», расточительность которой лишь иронически позволяет называть ее «доброй хозяйкой». Таким образом, «Завещание Панина» возлагает всю ответственность за «истребившуюся в России совсем всякую форму правления и оттого за зыблемое состояние как Империи, так и самих государей» на Екатерину, виновницу «семейных беспокойств», «упавшего чадолюбия» и жизни не по средствам, «выхода из мер своего состояния».

В. И. Семевский в биографическом очерке, посвященном декабристу М. А. Фонвизину, племяннику нашего автора, сообщает, что «Завещание Панина» было писано «после того, как великий князь (Павел Петрович) отправился в заграничное путешествие», т. е. после 19 сентября 1781 г.¹ Таким образом, если вспомним, что «Недоросль» писался в

¹ Общественные движения в России в первую половину XIX в., т. I. Декабристы. Спб. 1905, стр. 8.

1781—1782 гг., — по крайней мере, до марта 1782 г.,¹ — то невольно возникает вопрос, не отразилось ли в «Недоросле» влияние «Завещания Панина» и обратно. Ответить на это можно с полной уверенностью положительно, и вот почему.

Историки русского театра и историки литературы почти единогласно называют «Недоросля» «бытовой комедией», «комедией нравов». Образ «резонера» Стародума рассматривается как момент внешний, отягощающий «естественное» течение пьесы. Рассуждения Стародума представляются скучными упражнениями на общеизвестные и неинтересные темы. Не только во второй половине XIX и в начале XX вв., но и в первой половине XIX, как указывает Вяземский, в театральных постановках «Недоросля» в роли Стародума делались купюры.²

Между тем для современников и в первую очередь для самого автора Стародум был наиболее важным персонажем комедии. В ненапечатанном при жизни Фонвизина журнале его, называвшемся «Друг честных людей, или Стародум», обращаясь к этому герою «Недоросля», Фонвизин писал в конце 1787 г. так: «Я должен признаться, что за успех комедии моей «Недоросль», одолжен я вашей особе. Из разговоров ваших с Правдиным, Милоном и Софьею составил я целые явления, кои публика и донныне с удовольствием слушает».³ Значение, которое придавалось режиссурой роли Стародума, видно хотя бы из того, что в премьере роль эту исполнял И. А. Дмитриевский.

Успех «Недоросля» был исключителен, причем начался он еще до премьеры. Гувернер кн. А. Куракина, Пикар, о котором упоминалось уже, сообщая в письме от 11 марта 1782 г. своему питомцу за границу о написании Фонвизиним новой комедии «Недоросль», прибавлял: «Читая его («Недоросля») в некоторых частных обществах, он имел громадный успех, и знатоки уверяют, что он будет иметь такой же успех и в публике; в мае месяце ее поставят на сцене Большого придворного театра».⁴ В конце мая 1782 г. Пикар снова говорит в своем письме о «Недоросле»: «Мы не увидим здесь

¹ В письмах Пикара, гувернера кн. А. Куракина, писанных из Петербурга в 1782 г., под 11 марта сообщается, что г. Фонвизин написал новую комедию в пяти актах, под заглавием «Недоросль» (Русская старина, 1878, № 5, стр. 52).

² Вяземский. Фонвизин, стр. 215.

³ Соч. Фонвизина, стр. 228.

⁴ Русская старина, 1878, № 5, стр. 52.

новую комедию г. Фонвизина, под названием «Недоросль», на что мы прежде надеялись, потому что актеры не знают своих ролей и не в состоянии сыграть ее в назначенное время. Автор уезжает через несколько дней в Москву и, говорят, поставит свою комедию на московском театре. При настоящем недостатке в удовольствиях и театрах это действительно лишение для публики, которая уже давно отдает должную справедливость превосходному таланту г. Фонвизина; несколько просвещенных особ, прослушавшие чтение этой комедии, уверяют, что это лучшая из русских театральных пьес в комическом роде; действие ведено умно и искусно, и развязка весьма удачная. Г. Фонвизин особенно отличается своим слогом и обладает как богатым воображением, так и большим знанием сердца и природы, и картины его всегда разнообразны, живы и поучительны.¹

Таковы сведения о приеме фонвизинской комедии еще до ее представления. К сожалению, письма Пикара обрываются на 9 сентября 1782 г., тогда как первая постановка «Недоросля», как известно, состоялась 24 сентября того же года. Однако о полном успехе спектакля сообщил директору Московского вольного театра Медоксу сам Фонвизин.²

Итак, сводя воедино дошедшие до нас данные о роли Стародума в первоначальном успехе «Недоросля», должно сказать, что понять причины этого успеха можно, только проанализировав «разговоры» Стародума с Правдиным, Милоном и Софьей и сопоставив заключающиеся в них мысли с идейным фондом «Завещания Панина».

Выше было указано, важнейшими идеями «Завещания» были утверждения, что «одно благонравие государя образует благонравие народа» и что «в его руках пружина, куда повернуть людей, к добродетели или пороку». Далее говорилось, что «государь, став узнан своею нациею, становится тотчас образцом ее» и что «государь, добрый муж, добрый отец, добрый хозяин, устрояет во всех домах внутреннее спокойство, возбуждает чадолюбие и т. д.». Все эти мысли в очень близких формулировках находятся и в сентенциях Стародума. «Где же ум, — спрашивает Софья, — которым так величаются?» — Стародум отвечает: «Чем умом величаться, друг мой? Ум, коль он только что ум, самая безделица. С пребеглыми умами видим мы худых мужей, худых отцов, ху-

¹ Русская старина, 1878. № 5, стр. 60—61.

² Соч. Фонвизина, стр. 276—277.

дых граждан. Прямую цену уму дает благонравие: без него умный человек чудовище. Оно неизмеримо выше всей беглости ума».¹

В пятом действии Стародум обращается к анализу понятия «истинно великий государь». По мнению Стародума, «великий государь есть государь премудрый. Его дело показать людям прямое их благо. Слава премудрости его та, чтоб править людьми, потому что управляться с истуканами нет премудрости... Дстойный престола государь стремится возвысить души своих подданных». И весь дальнейший диалог Стародума и Правдина посвящен вопросу о значении «благонравия». «Способы сделать людей добрыми», — утверждает Стародум, — «в руках государя. Как скоро все видят, что без благонравия никто не может выйти в люди... , тогда всякой находит свою выгоду быть благонравным, и всякой хороши становится». — «Главная цель всех знаний человеческих — добронравие», говорит Стародум далее.²

Итак, подлинное благо людей состоит в «благонравии», которое культивируется свыше, укореняется благодаря «благонравному государю», который «стремится возвысить души своих подданных». И следовательно обратно: злонравие подданных, отсутствие в них сознания необходимости содействовать общему благу — результат общей системы, результат злонравия государя. Таким образом, знаменитое окончание «Недоросля», последняя реплика Стародума: «Вот злонравия достойные плоды!» обращается не против г-жи Простаковой, а против «злонравной Екатерины», человека с «пребеглым умом», но без «благонравия», против Екатерины, «государя, худого мужа, худого отца, худого гражданина».

Роль Стародума превращалась, таким образом, из цепи морализирующих резонирований в сильный, страстный обвинительный акт, и поэтому не удивительно, что роль Стародума особенно удавалось актерам патетического и взволнованно-ораторского склада дарования (Дмитревскому).

Рассмотренными пунктами не исчерпывается общность публицистического «Завещания Панина» и художественной комедии «Недоросль». Одинаковы взгляды обоих произведений на роль дворянства, на задачи воспитания, на фаворитизм и т. д., и т. д.; одинакова общая их оценка внутреннего

¹ Материалы для полн. собр. соч. Фонвизина, стр. 304.

² Там же, стр. 327—329.

положения екатерининской России, точнее «двора». Когда Правдин, выслушав в первом явлении третьего действия биографический рассказ и нравственное кредо Стародума, говорит, что людей с такими правилами, как у Стародума, «не отпускать от двора, а ко двору призывать надобно» «за тем, за чем к больным врача призывают», Стародум веско, внушительно заявляет: «Мой друг! Ошибаешься. Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится». Из этой реплики совершенно недвусмысленно явствует, что для Стародума «двор» — «болен неисцельно». А эти слова прямо перекликаются с соответствующим местом в «Завещании Панина», где говорится, что «государство требует немедленного врачевания от зол, причиненных ему злоупотреблением самовластия».

«Недоросль», таким образом, представляет не просто «комедию нравов», не «бытовую комедию», в которой внешне, вторгаясь в органическую ткань пьесы, как бы вклиниваются «посторонние» разговоры Стародума; это комедия сатирико-политическая, в которой гармонически и высокохудожественно переплетаются иллюстративно-бытовые и теоретико-политические и этические линии.

Вполне естественно поэтому, что в такой комедии находит дальнейшее развитие идея, впервые обоснованная Фонвизным в «Бригадире», идея воспитания как основного фактора социально-этического прогресса. Стародум провозглашает основной и важнейший принцип своей этико-политической системы: «(Воспитание) должно быть залогом благосостояния государства. Мы видим все несчастные следствия дурного воспитания. Ну, что для отечества может вытти из Митрофанушки, за которого невежды-родители платят еще и деньги невеждам-учителям? Сколько дворян-отцов, которые нравственное воспитание сына своего поручают своему рабу крепостному: лет через пятнадцать и выходят вместо одного раба двое, старый дядька да молодой барин».¹

Здесь к проблеме воспитания естественно присоединяется и вопрос о крепостном праве, поставленный, как мы помним, в русской драматургии, хотя и мимоходом, Фонвизным впервые в «Корионе». За семнадцать лет, прошедшие со времени написания «Кориона» и до окончания «Недоросля», после «Комиссии для сочинения нового уложения» (1767—1768) с ее бурными дебатами по вопросу о крепостном праве, после

¹ Материалы для полн. собр. соч. Фонвизина, стр. 329.

Пугачевского движения, после многочисленных дел об истязаниях и смертоубийствах крепостных крестьян, главным образом, дворовых, — крепостная проблема стала первостепенной по своему значению в общественной жизни. Мы видели выше, что застал в этой области Фонвизин, благодушный, умиротворенный, по возвращении из-за границы. Поэтому в «Недоросле» крепостная проблема занимает значительное место. Можно сказать даже, не рискуя получить упрек в натяжке, что с первого явления первого действия, со сцены с крепостным портным Тришкой, и кончая последним — крепостная тема не исчезает и не приглушается в «Недоросле». Тонкий художник, осмотрительный мастер, Фонвизин избегает натуралистических изображений «ужасов крепостного права», но когда г-жа Простакова в последнем действии кричит в исступлении: «Плуты! Воры! Мошенники! Всех прибить велю до смерти!» и далее: «Ну! Теперь-то дам я зорю канальям своим людям. Теперь-то я всех переберу по-одначке. Теперь-то допытаюсь, кто из рук ее выпустил. Нет, мошенники! Нет, воры! Век не прощу, не прощу этой насмешки»,² мы понимаем, что за сценой может произойти одно из таких уголовных дел, о которых впоследствии Семевский станет говорить как об «истязаниях, окончившихся смертью». Понятно поэтому, почему Стародум говорит, что «угнетать рабством себе подобных незаконно».³

Но отношение Фонвизина к крепостному праву значительно сложнее. Ставя своей задачей рассмотрение крепостной проблемы, Фонвизин исходил из учета опыта передовой русской литературы предшествующего десятилетия.

В 1772 г. была представлена и тогда же напечатана комическая опера М. Попова «Анюта». Это в высшей степени оригинальная и смелая по тому времени попытка дать социально-психологическую драму. Построена она настолько тонко, что и до сих пор вводит в заблуждение исследователей и читателей.

Так, знаток литературы XVIII в., проф. Г. А. Гуковский считает, что «эта опера показательна и с точки зрения ограниченности социально-идеологической позиции Попова... Попов хочет показать «мужика», как он есть: ...крестьяне все не счастливы, не довольны своей крестьянской долей; бо-

¹ Материалы для полн. собр. соч. Фонвизина, стр. 331.

² Там же, стр. 334.

³ Там же, стр. 327.

лее того, крестьянин Мирон может противопоставить свою тяжелую рабочую жизнь существованию дворян-бездельников, на которых работают другие; в его словах есть элементы протеста против крепостной эксплуатации. Все это выводит оперу за пределы дворянского искусства XVIII в. Но все же демократизм Попова умерен и ограничен на каждом шагу... Попов рисует своих крестьян не только чертами сочувствия к их угнетенному положению, но и чертами презрения к мужику, и в этом опять сказываются поклоны в сторону хозяина страны — помещика... По опере Попова выходит, что дворяне благородны и культурны не только по воспитанию, но и по самой своей крови, независимо от среды и условий жизни. Наоборот, как только крестьянин Мирон получает кошелек с деньгами, который он «с жадностью выхватывает», он начинает раболепно славить господина. Тоже и Филат; и он у Попова — раб по натуре. Получив деньги от (дворянина) Виктора, своего соперника, отнявшего у него невесту, Филат, «бросаясь от радости на колени», говорит:

Ах, милостивый мой и честный господин,
Прямой ты дворянин!

С точки зрения Попова крестьянам высокие чувства несвойственны, они любить не умеют».¹

Точка зрения Г. А. Гуковского имеет широкое распространение и пользуется общим признанием. Но так ли уже неоспорима она? Так ли не сходятся концы с началами в «Анюте», как это обычно представляется? Ведь, в самом деле, странно. Опера начинается картиной рубки леса Миронем и его песней, в которой резко заострен вопрос о крестьянско-дворянском антагонизме; фатализмом, безнадежностью проникнуты слова песни Мирона:

Вот наша жизнь какая,
Проклятая! благая!
Да быть же ин уж так,
Как нам пометил дьяк.
Не в петлю же ведь лезти,
Што нечего нам ести;
А лучше погадать,
Как век докоротать.
Теперь один с жоною
Живу я сотоною:
Нет мочи ни орать,
Ни хлеба собирать.

¹ Гуковский, Г. А. Русская литература XVIII в. Учебник для Вузов. М. 1939, стр. 235.

Казалось бы, после этого протестующего, гуманистического начала оперы мы вправе ожидать от автора и дальнейшего сочувственного отношения к крепостным персонажам «Анюты», Мирону и Филату, а на деле получается обратное. Что же является причиной этого? Недоумения наши вполне понятны, если предъявлять к драматическому искусству XVIII в. примитивные эстетические требования прямолинейности, плоскостности, идеализации.

Но передовые русские писатели, к числу которых несомненно принадлежал М. Попов, смотрели на искусство значительно более серьезно и предъявляли к нему более глубокие и вдумчивые требования. Учение Дидро об общественных положениях как источнике искусства было воспринято многими русскими писателями, но не всеми одинаково. Из тезиса Дидро, — «котные в основу произведения ляжет общественное положение, его обязанности, его преимущества и невыгоды», — Попов сделал вывод. тяжелая, изнуряющая, одуряющая работа крестьян, предпринимаемая с целью заработка, чтобы уплатить налоги помещику, действует не только на их организм, но и на их интеллект, на их культуру (вместо литературного языка — диалект), на их нравственность. Крепостное право калечит Мирона и Филата, взятых в качестве типичных представителей крепостного крестьянства (может быть, имена их, напоминающие нам о фольклорно-лубочных Мирошке и Филатке, избраны Поповым сознательно и не без аллюзий на этих последних). Крепостная зависимость вытравливает из крестьян элементарные чувства — самоуважение, любовь, презрение к деньгам и т. д. С другой стороны, она развивает и укрепляет в крепостных рабскую психику, приниженность, недоверие к себе и неверие в свои силы (произносимые мимоходом угрозы дела не меняют). Только этим и можно объяснить то бросающееся в глаза «противоречие» в комической опере М. Попова, которое смущало исследователей, заставляло их прискивать объяснения, далекие от истины и снижающие художественную и политическую силу «Анюты». Таким образом, именно глубоко понятому и решительно развитому далее принципу эстетики Дидро, его учению об общественном положении, обязан Попов удачей своей комической оперы.

Успех «Анюты» и других комических опер с крестьянской тематикой не прошел незамеченным Фонвизиним. Как ни был он занят в 1770-х гг. дипломатической службой и политической и литературной борьбой, все же он продолжал

следить за русской литературной и театральной жизнью. Театральные впечатления заграничной поездки, способствовавшие окончательному установлению его эстетических принципов, сочетаясь с вызывавшими негодование гражданина и горечь патриота фактами русской действительности 1770-х — начала 1780-х гг., столкнулись, таким образом, с достижениями передового русского драматического искусства. Так родилась гениальная концепция «Недоросля». Суть ее заключалась в том, что правильную, но одностороннюю идею «Анюты» Попова — о калечащем, искажающем личность крестьянина воздействии крепостного строя — Фонвизин понял и показал диалектически. Крепостное право бьет одновременно и по крестьянину и по помещику; губительное воздействие его сказывается не только на рабской психике крепостного, но и на рабовладельческой психологии дворянина-«душевлладельца».

Эту особенность «Недоросля» превосходно понял и с присущей ему сжатостью определил М. Горький: «В «Недоросле», — писал Горький в своей «Истории русской литературы», — впервые выведено на свет и на сцену растлевающее значение крепостного права и его влияние на дворянство, духовно погубленное, выродившееся и развращенное именно рабством крестьянства».¹

В самом деле, в формулировке М. Горького мы видим два составных элемента: во-первых, растлевающее значение крепостного права и, во-вторых, его влияние на дворянство. Первый тезис М. Горького нашел полное воплощение в образе няни Еремеевны. Это человек с психологией раба. Сорок лет, по ее словам, служит она в доме Простаковых-Скотининых, а милость ей все та же, «по пяти рублей на год, да по пяти пощечин на день». В явлении четвертом второго действия Мигрофан грозит Еремеевне: «Ну, еще слово молви, стара, хрычовка. Уж я те отделаю; я опять нажалуюсь матушке, так она тебе изволит дать таску по вчерашнему». Ни ненависти к угнетателям, ни простого протеста она не проявляет; больше того, когда Скотинин хочет прибить Митрофана, Еремеевна, «заслоня Митрофана, остервенясь и подняв кулаки», как говорится в авторской ремарке, восклицает: «Издохну на месте, а дитя не выдам. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бельмы-то выцарапаю». А когда Скотинин «задрожав и грозя, отходит» со словами: «Я вас доеду!», старуха, «задрожав вслед», кричит: «У меня и свои зацепы во-

¹ Горький, М. История русской литературы, М. 1939, стр. 22.

стры». Эта собачья преданность, эта привязанность рабыни сочетается в Еремеевне с постоянным страхом ответственности перед свирепой, жестокой госпожой: «Ах, уходит он его! Куда моей голове деваться?» — кричит она, «задрожав», когда Скотинин с угрозами подступает к своему сопернику, Митрофану. «Пропала моя головушка!», — с ужасом вопит Еремеевна после того, как Милон с обнаженной шпагой в руке отталкивает ее от Софьи. Еремеевна — это законченный, классический тип крепостной рабыни, безропотной, привязанной и преданной своим мучителям, тип поэтому глубоко трагический. И кажется поэтому странным, что Шумский и другие мужские и женские исполнители этой роли проводили ее к вящему удовольствию публики в глубоко фарсовых тонах.

«Растлевающее значение крепостного права», отмеченное в первой части формулы Горького, проявляется и в алчности полуграмотного Кутейкина, и в наглой развязности кучера с лакейской душой, Вральмана, и отчасти даже в глумливо презрительном тоне честного служивого, бессеребренника Цыфиркина. Лишь на усадебной почве, густо удобренной уродливостями крепостных отношений, возникали и могли существовать все эти Еремеевны, Кутейкины, Цыфиркины и Вральманы.

Только что сказанному не противоречит образ крепостного портного Тришки. Хотя один молодой исследователь и верно отметил «здравый смысл Тришки, не чуждого своеобразного чувства собственного достоинства и даже дерзости, выработанного под влиянием вечного и ничем не отвратимого произвола», но выводы из этой характеристики сделаны были недоказательные. Конечно, исследователь прав, утверждая, что «Тришка — это первый подлинно живой крепостной крестьянин на русской сцене», прав исследователь, указывая, что Тришка «произносит в пьесе всего только несколько фраз», но совершенно произвольно утверждение, что в словах Тришки «ярко выражены судьбы русского крепостного». ¹ В образе Тришки Фонвизин метко запечатлел логичность мышления, находчивость и красноречивую убедительность талантливого самоучки, из которого при более благоприятных обстоятельствах может выработаться человек, способный не только «огрызаться», а быть полезным деятелем. А это дале-

¹ Баран, Л. Г. Комедия Фонвизина „Недоросль“ и русская литература конца XVIII в.—Проблемы реализма в русской литературе XVIII в. М. 1940, стр. 87.

ко еще до утверждения, что в нескольких его фразах «ярко выражены судьбы русского крепостного».

Но изображать воздействие крепостного строя на крестьян, достаточно показанное в комедиях и комических операх 1770-х гг., было Фонвизину мало интересно. В четырех представителях темного царства Скотининых-Простаковых он с расчетом бережливого, мудрого мастера показал разновидности дворянства, «духовно погубленного, выродившегося и развращенного именно рабством крестьянства» (Горький). В центре стоят Простакова и Скотинин, первая, по характеристике Правдина, «госпожа бесчеловечная, которой злонаравие в благоучрежденном государстве терпимо быть не может», второй — своим «говорящим» именем, животным обликом и примитивной психикой оставляющий гнетущее впечатление и вызывающий не смех, а ужас при мысли о том, как живет у него крестьянам. Простаков, обезличенный, пресмыкающийся перед своей женой, «презлой фурией, которой адский нрав делает несчастье целого их дома», может иногда представляться чем-то вроде жертвы, но это в корне ошибочное впечатление. Такое понимание образа Простакова противоречит замыслу Фонвизина, который, назвав своего героя недвусмысленным именем Простакова, хотел показать в нем «простака» — «недалекого по уму, туповатого человека» (Даль). По существу, Простаков является первым наброском типа, вроде Дмитрия Ларина, о котором Пушкин говорит, вслед за характеристикой его жены, матери Татьяны:

Но муж ее любил сердечно,
В ее затеи не входил,
Во всем ей веровала беспечно,
А сам в халате ел и пил.

Может быть, Простаков больше был под башмаком своей «презлой фурии», больше боялся ее, чем «господень раб и бригадир Дмитрий Ларин», но в общем это «одного поля ягода». ¹

¹ Может быть, и мать Татьяны отчасти сродни г-же Простаковой. Хотя Евгений Онегин и отзывается о ней Ленскому:

А кстати. Ларина проста,
Но очень милая старушка, —

но мы знаем со слов Пушкина, что

Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,

Много забот доставил, не столько литературоведам сколько актерам, недоросль Митрофан. В интересной работе Л. Г. Барага «Судьба комедии «Недоросль»¹ приведены ценные материалы по этому вопросу. Вот Митрофан в исполнении Живокини «резвый, наглый и грубый шалун»; вот Митрофанушка Монахова, который «играл в водевильной манере, сильно буфонил, превратив героя Фонвизина в полудегенерата»; «не резвого шалуна, а нравственного уродца, будущего изверга подчеркивал в Митрофанушке Музиль. Смешное в его игре граничило с ужасным» и т. д. Мне кажется более правильной именно трактовка Музиля, т. е. гротескная, а не бурлескная концепция этого образа. Между тем, фарсовое, карикатурное исполнение этой роли, несомненно более легкое и выгодное для снискания внешнего успеха, встречается гораздо чаще. Даже в талантливой, вдумчивой постановке «Недоросля» в Ленинградском Театре юных зрителей (1945) Митрофан в течение всей комедии почему-то в шелковом кафтане (даже на голубятню в нем лазит), скачет верхом на помеле и т. д. Возвращаясь к вопросу о трактовке роли Митрофана Музилем, нелишне привести цитируемый в работе Л. Г. Барага отзыв театрального критика А. Н. Баженова об игре этого актера в «Недоросле»: «Ни одной улыбки, ни одного мягкого взгляда не позволил себе господин Музиль, в редком движении, в редком жесте его не сказывалось упорство, особенно много страшной злости у него во всем: и в словах, и в жестах, и в сцене с дядей».² Л. Г. Бараг после приведенной цитаты высказывает мысль, что «слишком резко упирая на идиотизм Митрофанушки, Музиль выхолостил комическое содержание этого образа и мало дал почувствовать тип XVIII в.». Трудно согла-

Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била, осердясь, —
Все это мужа яи спросясь.

В конечном счете, разница только количественная, а не качественная, и впечатление большей „приятности“ Прасковьи Лариной также, в конечном счете, зависит оттого, что Пушкин не показывает нам, при каких обстоятельствах Ларина „служанок била, осердясь“ или „брила лбы“ и что значило для крепостных крестьян многозначительное „она езжала по работам“.

¹ Ученые Записки кафедры литературы Минского педагогического института, 1940, вып. II, стр. 109—125.

² Там же, стр. 117.

ситься с мнением автора, т. к. по замыслу Фонвизина, как всегда в комедиях XVIII в., заключенному в имени персонажа, Митрофан и должен быть больше страшным и омерзительным, чем смешным, «комичным». Не следует никак забывать, что «Митрофан» тоже имя «говорящее», оно означает — «являющий свою мать, делающий явной свою мать», мы бы сказали современными словами, «разоблачающий свою мать». А уж о «смешной» трактовке роли г-жи Простаковой говорить не приходится.

Кстати, о Простаковой. Образ ее далеко не так прост, как это обыкновенно представляется. Когда М. Горький говорит о «духовно погубленном, выродившемся и развращенном именно рабством крестьянства» дворянстве, это прежде всего относится к г-же Простаковой. Желая показать, как уродует, как калечит человеческую личность крепостное право, Фонвизин с непонятной у писателя XVIII в. психологической глубиной изобразил, как психика рабовладельцев искажила самое высокое, самое чистое чувство, чувство материнское, как Простакова животно, «по-сучьи», выражаясь ее же словами, понимает материнскую любовь. Поэтому развязка «Недоросля», заключительная сцена с «всеми оставленной» Простаковой — сцена исключительной силы, сцена подлинно патетическая. И прав поэтому Алексей Н. Веселовский, когда называет характер г-жи Простаковой «истинно трагическим». ¹ Трагизм образа Простаковой состоит именно в противоречии между естественным, обычно красивым, чувством материнской любви и его уродливым, искаженным проявлением в крепостной России екатерининских времен. Все это — неожиданно для зрителя и читателя и даже, может быть, и для самого автора — делает г-жу Простакову в конце комедии жалкой, вернее, вызывающей жалость и сочувствие. И здесь, может быть, еще раз проявляется великий гуманизм русской литературы, самой бесстрашной, самой правдивой, самой человеческой, гуманизм, не позволяющий осудить Простакову, жертву одновременно и своей слепой любви к сыну, и «злонравия», сидящего на троне.

Третья группа действующих лиц «Недоросля», героев идеальных, или, по крайней мере, положительных, представляется обычно наименее жизненной и интересной. И Милона, и Софью, и Правдина (для Стародума делается исключе-

¹ Веселовский, Алексей Н. Западное влияние в новой русской литературе. Изд. 5, М. 1916, стр. 85.

ние) характеризуют обычно как «бледные», «искусственные», «по рецепту сделанные» образы. Но так ли верна эта точка зрения? Так ли безнадежно мрачна была картина тогдашней России, что, кроме Тарасов Скотининых и Простаковых старших и младших, кроме Кутейкиных, Цыфиркиных и Вральманов, не было в ней никого, на ком бы с доверием и надеждой мог успокоиться взгляд? А пылкие юноши из круга Новикова? А молодые люди, которые через несколько лет после создания «Недоросля» войдут в «Общество друзей словесных наук», издававшее журнал «Беседующий гражданин» и находившееся в орбите идейного влияния Радищева? А молодежь, выдвинувшая Ф. Кречетова, Крылова, безымянных составителей рукописного «Зеркала неверия»? А провинциальные читательницы и мечтательницы, о которых нет-нет, да и сообщат мемуаристы 1770-х—1780-х гг.? Поэтому нельзя ни полностью, ни с оговорками согласиться с мнением о том, что образы эти «ходульны» и «надуманы». В русской жизни того времени могли быть и были честные офицеры вроде Миллона, но их надо было искать, может быть, не в армии Потемкина, а скорее в полках, подчиненных Суворову, в какой-нибудь крепости вроде Белогорской из «Капитанской дочки», среди таких незаметных и скромных служаек, как Андрей Прохорыч Крылов, отец баснописца. Были в годы потемкинского разгула и принципиальные, безупречные, честные чиновники, вроде Правдина, и вдумчивые, пытливые, одаренные пылким воображением, неиспорченным сердцем и лукавым юмором девушки, как Софья.

Были ли в русской действительности 1770-х—1780-х гг. Стародумы?

Этот вопрос давно уже занимал историков русского театра и русской литературы; разные авторы указывали разные прототипы Стародума в русском обществе 1760-х—1770-х гг., но уже самая возможность различных отождествлений образа Стародума показывает, что в екатерининское царствование были в русской жизни конкретные выразители стародумовских идей. Таким образом, Стародум был вовсе не «скучнейшим педантом», каким считали его некоторые авторы, говорившие о Фонвизине, а портретом наиболее передовых, наиболее мыслящих людей того времени.

Взгляд на Стародума как на нежизненное явление, как на продукт головного, рассудочного творчества привел исследователей к тому, что в этом образе они проглядели едва ли не самую важную его черту, — патриотизм. С первой

сцены, в которой он появлялся в «Недоросле», и до самого конца Стародум неустанно и многообразно раскрывает сущность своего понимания идеи патриотизма, идеи отечества. Он жалеет, что «не умел ранее владеть собою», тогда бы «имел удовольствие служить долее отечеству» (д. III, явл. I). Он считает, что дворянин имеет право «взять отставку» только в том случае, «когда он внутренне удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит. А! Тогда поди». Это место очень важно, нам в дальнейшем придется еще обращаться к нему, поэтому необходимо запомнить его — в контексте пьесы и в реальной обстановке 1780-х гг. оно имело исключительное значение.

Служба отечеству является для Стародума мерилom ценности («знатности») человека. «Степень знатности, — говорит Стародум (д. IV, явл. II), — рассчитываю я по числу дел, которые большой господин сделал для отечества, а не по числу дел, которые нахватал на себя из высокомерия».

Вопрос о службе отечеству не раз еще ставится Стародумом. Так, он полагает, что «если б должность исполняли так, как об ней твердят», то «дворянин, например, считал бы за первое бесчестье не делать ничего, когда есть ему столько дела: есть люди, которым помогать; есть отечество, которому служить» (д. IV, явл. II). Набрасывая в беседе с Правдиным (д. V, явл. I) эскиз «воспитания сына знатного господина», Стародум предписывает наставнику в первую очередь знакомить своего питомца с историческими примерами, как «великие люди способствовали благу своего отечества». Не только, впрочем, Стародум, но и Милон касается вопроса о пользе и славе отечества. Характеризуя «истинно неустрашимого военачальника», Милон говорит: «Он с холодной кровью усматривает все степени опасности, принимает нужные меры, славу свою предпочитает жизни; но что всего более — он для пользы и славы отечества не уstraшается забыть свою собственную славу» (д. IV, явл. VI).

Здесь приведены почти все высказывания положительных героев «Недоросля» о роли отечества в жизни человека и о службе ему как основному долгу личности. Но огромный прогрессивный характер этих воззрений Фонвизина-Стародума станет особенно ясным, если будет принята во внимание эволюция во взглядах на соотношение между понятием «служба государю» и «служба отечеству». В первые две трети, пожалуй, даже в первые три четверти XVIII в. в русской литературе не делалось различия между понятиями — «госу-

дарь» и «отечество». И позднее еще находим мы реликты или, может быть, рецидивы такого понимания; так, кн. М. М. Щербатов в своих неизданных при жизни сатирических замечаниях на «Вопросы сочинителю «Былиц и небылиц» и на ответы «Собеседника» говорит по аналогичному поводу: «ибо государь и отечество, по моему, едино есть».¹ Но со второй половины 1770-х гг. упрочивается встречавшееся и раньше расчленение единого понятия «государь-отечество». В эпоху централизации государственной жизни в недрах умиравшего феодального общества лозунг Людовика XIV «государство — это я» имел прогрессивное значение не только для Европы, но и для России. В дальнейшем, по мере дискредитации в глазах общества представителей самодержавия, в особенности Екатерины II, происходило разъединение понятий «государь» и «государство-отечество».

Любопытно в этой связи следующее. Во Франции в 1778 г. Фонвизин среди немногих положительных сторон национального характера французов отмечает их патристическую любовь к своей стране и своему государю «Коли что здесь действительно почтенно и коли что всем перенимать здесь надобно, то, конечно, любовь к отечеству и государю своему». Обратная обычной последовательность понятий «отечество» и «государь» здесь также знаменательна. Что она не случайна, видно из другой фразы в том же письме: «Идея отечества и короля здесь твердо в сердца вкоренена».

Как видно, по возвращении из-за границы Фонвизин не считал возможным применить в рассуждениях Стародума формулу «отечество и государь», слишком много горького увидел он на родине. И сохраняя привязанность к «законному монарху», Павлу Петровичу, в «Недоросле» он проводит мысль о службе одному только отечеству. Разделение понятий «отечество» и «государь» представляло важный шаг в политическом самосознании европейского, в том числе и русского общества.

Любопытно, что Новиков в 70-е гг. посвящает свои издания «Любезному Отечеству»; то же встречаем мы и у других передовых писателей той поры. Таким образом, патриотизм Стародума представляет самую прогрессивную форму русской общественной мысли 1770-х и начала 1780-х гг.

¹ Щербатов, М. М. Неизданные сочинения. М. 1935, стр. 123. Ср. в переведенном Фонвизиним „Сифе“: Высшая добродетель в подданном состоит в любви к государю и отечеству...

Необходимо остановиться еще на одном существенном моменте в раскрытии и правильном восприятии образа Стародума. Мы знаем, что в литературе XVIII в. вообще и в особенности в комедии имена действующих лиц — «говорящие»; мы видели и в «Недоросле» — не только в таких именах, как Скотинин, Простаков, Правдин, Милон, Вральман, не только таких — профессиональных, как Цыфиркин и Кутейкин, но и таких, казалось бы нейтральных, как Митрофан. Почему же герой назван Стародумом? Ведь чуть ли не первые слова его на сцене являются автохарактеристикой, долженствующей показать его преемственную связь с петровской эпохой как противопоставление современной, екатерининской: «Отец мой воспитал меня по тогдашнему, а я не нашел и нужды себя перевоспитывать. Служил он Петру Великому» (д. III, явл. I). В политическом, антиекатерининском подтексте «Недоросля» цитированное место, разъясняющее значение всего образа Стародума, обязательно воспринималось в соотношении с педагогическими идеями и практикой Екатерины II и ее ближайшего сотрудника по воспитательной части, И. И. Бецкого.

В 1764 г. Бецкий подал Екатерине «Генеральное учение о воспитании обоего пола юношества». Проект Бецкого очень понравился Екатерине и служил впоследствии источником дальнейших педагогических мероприятий императрицы. Центральная идея «Генерального учреждения» заключалась в следующем: «Корень всему злу и добру воспитание; достигнуть же последнего с успехом и с твердым исполнением не иначе можно, как избрать средства к тому прямые и основательные. Держаться сего неоспоримого правила единое токмо средство остается, то есть произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, которые могли бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить, какие они получили сами, и от них дети предавали бы паки своим детям, и так следуя из родов в роды на будущие веки».

Идея создания путем воспитания «новой породы людей» увлекла Екатерину в весеннюю пору ее либерализма, и осуществлению проекта Бецкого она придавала большое значение. Но даже и тогда, когда краски раннего либерализма

¹ Покровский. В. И. Историческая хрестоматия. М. 1891, вып. VII, стр. 135. Курсив в подлиннике.

тускнели и, наконец, совсем поблекли, Екатерина любила возвращаться к красивым словам о «новой породе людей». Многие из современников императрицы в 60-е гг. отдали дань увлечению этой модой; может быть, и в «Бригадире» Фонвизина проблема воспитания поставлена в известной мере в зависимости от теорий Бецкого — Екатерины. Однако все усиливавшееся падение нравов, достигнувшая в 1770 х гг. огромных размеров нравственная распущенность, бесконечные адюльтеры, разводы и прочие проявления моральной деградации общества вызвали возмущение этими лицемерными разглазительствованиями о «новой породе людей». У трезвых, прогрессивных людей того времени возникала реакция против лозунга: «новая порода людей», и Фонвизин, назвав своего героя Стародумом, демонстративно подчеркнул превосходство, конечно, идеализированной им, но представлявшейся ему безупречной, простой системы воспитания петровской поры.

Заключая рассмотрение вопросов, связанных с трактовкой образа Стародума, следует коротко остановиться еще на одном моменте. И в «Недоросле» и в письмах из Франции в 1777, в особенности в 1778 г. Фонвизин несочувственно отзывается о французской просветительной литературе и философии. Вопрос о причинах такого отношения сложен и потребовал бы больше места, чем это сейчас возможно. Мне кажется, что отчасти причиной было то, что Фонвизин считал многие отрицательные факты и стороны русской жизни тех лет результатом влияния просветительной философии, последовательницей и пропагандисткой которой заявляла себя Екатерина.

Таково в основных чертах идейно-политическое и художественное содержание образов гениальной комедии Фонвизина. Мы имели возможность убедиться в том, что «Недоросль» является исключительно сложным и глубоким творением драматического искусства. Сочные, животрепещущие, полные неотразимой логичности картины быта, осуществленные мастером зрелым, проникательным и неистощимо изобретательным; сцены психологические, проникнутые подлинным и светлым сердцеведением; горячая, искренняя проповедь ревностного, неподдельного патриотизма, гражданской честности, мужественное бесстрашие в анализе бедственного положения своего народа; смелая обдуманность плана комедии, умно рассчитанное переплетение бытовых и теоретических («идеологических») партий пьесы; умелая и жизненно обоснованная группировка действующих лиц, изображенных

то с живой, веселой насмешливостью, то с горьким негодованием и скорбным юмором, то с глубокой симпатией и наивной верой, что их красноречие окажется неотразимым, их призывы действенными, их идеалы зажигающими и вдохновляющими, — таковы отдельные и не притязающие на полноту аспекты гениальной комедии Фонвизина.

Выше приводились выдержки из писем Пикара, касавшиеся ожиданий первой постановки «Недоросля». Пикар сообщал, что в первоначально намеченный срок — в мае 1782 г. — комедия не могла быть поставлена, т. к. актеры не знали своих ролей и не в состоянии были сыграть ее в назначенное время. Надо полагать, что гувернер кн. Куракина, Пикар, не был полностью в курсе дела и излагал в письме официальную версию. Дело в том, что из ряда преданий, сохранивших обрывки фактов и намеки на обстоятельства, сопутствовавшие подготовке первого представления пьесы, явствует, что вокруг постановки велась борьба. В упоминавшейся уже статье Л. Г. Барага «Судьба комедии «Недоросль»¹ отчасти сгруппированы дошедшие до нас данные по этому вопросу. Кое-какие сведения, большей частью не верные, приведены в статье Д. Д. Языкова «Недоросль» на сцене и в литературе (1782—1882 гг.)».² Наконец, сам Фонвизин свидетельствует о борьбе вокруг постановки в письме к содержателю Московского театра, Медоксу, в сентябре 1782 г.: «Я положил конец интриге и, кажется, тем самым предъявил вам наиболее подлинное разрешение играть мою пьесу, так как придворные актеры сыграли ее 24 сего месяца на публичном театре с письменного позволения правительства».³

Сопоставляя как известные исследователям данные, так и некоторые вновь привлекаемые факты, можно представить обстоятельства, сопровождавшие постановку «Недоросля», в таком виде. Повидимому, комедия Фонвизина была закончена в самом начале 1782 г. После этого происходили чтения пьесы «в некоторых частных обществах», как сообщал Пикар. Одновременно с этим комедия была представлена в Придворный театр и начались ее репетиции. По преданиям современников «Фонвизин сам назначил и читал роли каж-

¹ Ученые Записки кафедры литературы Минского Пед. ин-та. 1940, вып. II, стр. 109.

² Исторический вестник, 1882, № 10, стр. 140—141.

³ Соч. Фонвизина, стр. 276—277. Перевод мой (старый перевод неточен).

дому из актеров в «Недоросле» и учредил общее действие». ¹ Толки, возбужденные чтением пьесы «в частных обществах», заставили театральную дирекцию, возглавлявшуюся В. И. Бибиковым, театралом-любителем и видным придворным, воспрепятствовать представлению «Недоросля». Борьба, очевидно, была ожесточенная. Когда постановка была окончательно запрещена, Фонвизин, в состоянии ли запальчивости, или по зрелом размышлении, подает в начале марта 1782 г. прошение об отставке, мотивируя его головными болями с детства. ² Прощению этому был дан ход, и 10 марта Екатерина подписала указ об увольнении «находившегося членом в Главном почтовых дел правлении статского советника Д. И. Фонвизина» с пенсией в 1250 р. в год. ³ Уход Фонвизина был, повидимому, предметом разговоров, по крайней мере, об отставке его упоминает в письме от 18 марта 1782 г. Пикар. ⁴

Потерпев неудачу с постановкой «Недоросля» в Петербурге, Фонвизин в конце мая или начале июня 1782 г. уехал в Москву, чтобы поставить свою комедию на Московском театре. ⁵

Надо полагать, что московская театральная цензура, основываясь на отмене постановки «Недоросля» в Петербурге и отсутствие печатного издания с «дозволением печатать», также препятствовала представлению пьесы в Москве; со своей стороны содержатель Московского театра, Медокс, требовал от Фонвизина «подлинное дозволение правительства играть пьесу»; на это указывает цитированное уже выше место в письме к нему Фонвизина в конце сентября 1782 г. Таким образом, и в Москве не удалось Фонвизину поставить «Недоросля». Во время своего пребывания в Москве Фонвизин также читал «в некоторых частных обществах» свою пьесу. Об одном из таких чтений сохранились сведения. Оно происходило у тогдашнего московского почт-директора Б. В. Пестеля. В переданном П. А. Араповым рассказе ⁶ об

¹ Арапов, П. А. Летопись русского театра. СПб. 1861, стр. 110.

² Московск. ГАФКЭ. Госархив, р. X, № 567 (л. № 23). За эту справку приношу благодарность неизменно благожелательному и любезному Д. Д. Шамраю. Подробнее см. мою статью «Из биографии Фонвизина. Уход его в отставку». Научный бюллетень ЛГУ, 1945, № 6.

³ Русский архив, 1875, т. II, стр. 148, примеч. 17.

⁴ Русская старина, 1878, № 5, стр. 53.

⁵ Там же, стр. 62.

⁶ Арапов. Цит. соч., стр. 111.

этом чтении есть неясность: сын Пестеля, И. Б., лично передавая подробности этого эпизода, сообщил Арапову, что «Недоросль» был прослушан у Б. В. Пестеля в один день дважды: до обеда, в чтении Фонвизина, «а после обеда Дмитриевский по общему требованию должен был опять читать ее сначала». Имя Дмитриевского, неожиданно появляющегося в рассказе И. Б. Пестеля, попало сюда, кажется, ошибочно, либо это признак того, что Фонвизин поехал в Москву хлопотать о постановке «Недоросля» совместно с Дмитриевским.

Но в августе или сентябре 1782 г. Фонвизину удалось «положить конец козням», и 24 сентября 1782 г. пьеса была сыграна с письменного дозволения правительства. Обычно, опираясь на «Летопись русского театра» кн. А. А. Шаховского, помещенную в ж. «Репертуар русского и иностранного театров» (1840), историки театра и литературы пишут, что по просьбе Н. И. Панина Павел Петрович исходатайствовал у Екатерины позволение играть «Недоросля» так, как он написан.¹ Однако в этом рассказе есть факты, не отвечающие действительности: за год до этого, 19 сентября 1781 г. Павел Петрович с женой отправился в заграничное путешествие, а вернулся в Петербург 20 ноября 1782 г.² Сомнительно также, чтобы Панин, разбитый параличом вскоре после отъезда Павла за границу, мог хлопотать за Фонвизина перед Екатериной. Характерно, что в письме к Медоксу Фонвизин как бы подчеркивает, что он, а не кто другой, «положил конец интриге». Может быть, несмотря на свою враждебность к Потемкину, Фонвизин все же обратился к своему бывшему соученику и с его помощью добился нужного ему правительственного разрешения. Основанием для такого предположения являются знаменитые слова, якобы сказанные Потемкиным после первого представления: «Умри, Денис! Или не пиши больше, лучше не напишешь».³ Дело в том, что на первом представлении «Недоросля» Потемкин не присутствовал и, следовательно, не мог произнести известной фразы, так как 6 сентября 1782 г. уехал в Херсон.⁴ Таким образом, либо весь эпизод с отзывом о «Недоросле» апокрифичен, либо слова эти были произнесены Потемкиным до первого пред-

¹ Арапов. Цит. соч., стр. 111.

² Шумигорский, Е. С. Император Павел I. Спб. 1907, стр. 48 и 53.

³ Арапов. Цит. соч., стр. 210. Слова Потемкина в разных местах приводятся по-разному.

⁴ Русская старина, 1878, № 5, стр. 61.

ставления; а если так, то нет ничего невозможного в предположении, что разрешение играть пьесу было получено Фонвизиним от всемогущего Потемкина.

Вполне правдоподобное предание передает, что во время подготовки спектакля Фонвизин учел замечания И. А. Дмитриевского и внес ряд сценических поправок в текст комедии. Каковы они были, за недостатком сведений сказать нельзя. Можно полагать, что, помимо сценических исправлений, Фонвизин включил в окончательную редакцию «Недоросля» некоторые намеки на борьбу вокруг постановки его пьесы. В частности, мне представляются почти несомненной вставкой цитированные выше слова Стародума, что дворянин имеет нравственное право выйти в отставку «только, когда он внутренне удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит» (д. III, явл. I): это публичное объяснение причин собственного его, Фонвизина, выхода в отставку, а «головные боли с детства», конечно, только официальная мотивировка.

Недостаток места не позволяет остановиться с соответствующей подробностью на вопросе о так называемом «раннем «Недоросле», опубликованном в 1933 г. Г. И. Коровиным в № 9—10 «Литературного наследства». Этот отрывок (сохранилось всего лишь три действия, причем третье без конца) не дает полного представления о развязке комедии, и поэтому трудно сказать, каково отношение сюжета «раннего Недоросля» к сюжету позднего. Но прав Г. И. Коровин, который, после сопоставления списка действующих лиц и текста обеих комедий, пришел к выводу, что перед нами «не две редакции, а две пьесы на сходную тему, принадлежащие одному автору».² «Ранний Недоросль», повидимому, был написан около конца 1765 г., когда Фонвизин был в Москве в отпуску; может быть, об этой пьесе писал он сестре в январе 1766 г., когда просил «не забывать его, не забывать его комедий». Г. А. Гуковский³ и А. Н. Лурье⁴ на косвенном и не очень убедительном аргументе относят эту комедию к 1764 г. Ясно только одно, что перед нами опыт комедии «на нравы национальные», как раз в том роде, о ко-

¹ Языков, Д. Д. «Недоросль» на сцене и в литературе. Исторический вестник, 1882, № 10, стр. 141.

² Лит. наследство, 1933, № 9—10, стр. 246—263.

³ Гуковский, Г. А. Русская литература XVIII в. Учебник для ВУЗ'ов. М. 1939, стр. 325.

⁴ Лурье, А. Н. Письма к Фалалею.—Ученые Записки ЛГУ, 1939, № 47, стр. 49.

тором говорили Лукин и Елагин. Именно как комедию нравов нужно рассматривать «раннего Недоросля», а не, — вопреки мнению Г. И. Коровина,¹ — как пьесу вроде комедий Сумарокова 1750-х—1760-х гг.

«Ранний Недоросль» лишь в очень незначительной мере привлек внимание исследователей. Кроме упомянутых выше Г. И. Коровина, Г. А. Гуковского и А. Н. Лурье, несколько страниц посвятил ей итальянский литературовед Л. Савой в «Опыте биографии Фонвизина». Считая, что «ранний Недоросль» по времени написания должен быть помещен между «Бригадиром» и поздним «Недорослем», Л. Савой сделал сопоставления между персонажами всех трех пьес; в результате этих сравнений можно прийти к выводу об известном снижении таланта Фонвизина. Хотя вообще известно, что талант у Фонвизина был неровный и что после прекрасных вещей он нередко писал значительно более слабые, тем не менее, нельзя считать правильным мнение о снижении его таланта в «раннем Недоросле». Неверно это хотя бы потому, что «ранний Недоросль» все же был написан около 1766 г., а «Бригадир» в 1769 г. и, кроме того, потому, что эволюция типов шла у Фонвизина от «раннего Недоросля» к «Бригадиру» с одной, и к «позднему Недорослю», с другой стороны.

Сопоставления персонажей «раннего Недоросля» и «позднего», сделанные Л. Савой, в общем правильны, хотя велись не с тех позиций, каких надлежало. Ограничимся одним только дополнением. Оно касается Улиты Абакумовны, матери Иванушки, героя «раннего Недоросля». Л. Савой глухо говорит о ней, что хотя она еще больше похожа на старую Акулину Тимофеевну из «Бригадира», но говорит уже фразами Простаковой, и в ней уже налицо типичная «зоологическая любовь» к сыну. Действительно, материнская любовь в Улите представлена в таких же, в общем, чертах, как и у г-жи Простаковой. «Бесчеловечнейшая же владелица» в образе Улиты только намечена. Так, в явлении втором третьего действия она кричит: «Непотребные каналы, бестии. Всех велю пересечь до смерти». В дальнейшем, под влиянием известных Фонвизину фактов чудовищно возросшего помещичьего произвола, «зверство» Простаковой представлено с большей подчеркнутостью, но, как уже указано, без натуралистических подробностей.

¹ Лит. наследство, 1933, № 9—10, стр. 243, 245.

Несмотря на то, что в Петербурге «Недоросль» имел исключительный успех («несравненно, — как сообщает современник,¹ — театр был наполнен, и публика апплодировала пиесу метанием кошельков»), прошло восемь месяцев, пока удалось преодолеть цензурные требования и поставить ее в Москве; постановка состоялась 18 мая 1783 г.² Вскоре, в 1786 г., «Недоросль» в губернаторство Державина в Тамбове ставится там любителями.³ В конце 1780-х — начале 1790-х гг. комедия ставится и на помещичьих крепостных театрах. Так, Г. Лафермьер, проживавший в селе Андреевском у гр. А. Р. Воронцова, сообщал брату своего патрона, С. Р., о театральных постановках крепостных актеров: «Что касается комедий, то здесь ставятся две пьесы Фонвизина, «Бригадир» и «Недоросль»; играют их очень хорошо... В «Недоросле» Фонвизина роль Стародумова (!) исполняет один молодой человек, который удивит вас благородством, правдой и умом своей игры».⁴

7

После петербургской и московской постановки пьеса Фонвизина быстро распространяется по всей стране, выдерживает при жизни автора четыре издания, становится прочным элементом русского репертуара. Популярность Фонвизина достигает в это время огромных размеров, «Недоросль» переводится почти сразу же на немецкий язык и издается в Вене. Все это приводит к тому, что вся последующая литературная деятельность Фонвизина как бы исчезает в лучах славы «Недоросля» и обычно почти не привлекает к себе внимание читателей и даже исследователей. Между тем художественное дарование Фонвизина не только не иссякает, а, напротив того, становится еще более мощным.

Мы знаем, что в марте 1782 г. Фонвизин ушел в отставку и что весь 1782 г. был занят хлопотами о постановке своей комедии, сперва в Петербурге, а затем в Москве. С 1783 г., свободный от служебных занятий, он вновь отдается литературной деятельности. Первым значительным произведением его был «Опыт российского сословника», помещенный в изда-

¹ Драматический словарь. Перепечатка издания 1787 г. М. 1881, стр. 88.

² Дризен, Н. В., бар. Материалы к истории русского театра. Изд. 2. М. 1913, стр. 291.

³ Державин. Соч., акад. изд., т. V, стр. 832; т. VIII, стр. 414.

⁴ Архив кн. Воронцова, т. XXIX, стр. 287—288.

вавшимся Российской Академией, при ближайшем участии Екатерины, журнале «Собеседник любителей российского слова» (ч. I, стр. 126—134; ч. IV, стр. 143—157; ч. X, стр. 137—142). «Опыт российского сословника» представляет ряд сопоставлений близких по значению слов, синонимов («сословник» и значит «синонимический словарь»), раскрытие более точного значения каждого из них и примеры правильного употребления их в речи. Порядок и последовательность статей не имеют в «Опыте» какой-либо обоснованности. Исследователями установлено, что Фонвизин пользовался одним французским образцом и перевел даже оттуда ряд статей; другие же были либо полностью сочинены им, либо переделаны и снабжены русскими иллюстрациями. Таким образом, перед нами, на первый взгляд, чисто филологическая работа.

Однако это не так.

Писатели XVIII в. умели использовать для своей проникнутой политическим содержанием литературной деятельности самые неожиданные жанры. Вспомним, напр., «Энциклопедию» Дидро и Даламбера. «Опыт российского сословника» принадлежит к числу таких неожиданных способов сатирической борьбы. Переводя и переделывая статьи своего французского предшественника, подставляя русский материал вместо французского, Фонвизин самым решительным образом продолжал линию, начатую «Недорослем», с которым, как установили исследователи, у «Опыта сословника» много точек соприкосновения.¹ В кажущемся беспорядке расположения статей в «Опыте» обнаруживается некоторый план: среди нейтральных, безобидных слов, вроде «старый, давний и т. д.», «робкий, трусливый», «полно, довольно» и т. п., встречаются группы синонимов, явно имеющих характер политических намеков. Таково, напр., раскрытие синонимов «обманывать, проманивать, проводить» или «запамятовать, забыть, предать забвению» и др. Еще более заострены «иллюстрации» к «Опыту сословника». Такова, напр., «история Глупона» в статье «ум». Таковы издевательские иллюстрации к словам «основать, учредить, установить, устроить»; определяя значение слов «основать» и «устроить» так: «основать значит положить чему-нибудь прочное начало», а «устроить» — «распорядить вещи так стройно, чтоб развращенье до

¹ Галахов, А. Д. Идеал нравственного достоинства человека по понятию Фонвизина. — Библиографические записки, 1858, № 13, столб. 388, 393 и др.

них не прикоснулось», Фонвизин приводит пример такой: «В России Екатерина II основала общество благородных девиц, ... и устроили благочиние», т. е. основала не благоденствие народа, а нечто весьма скромное, устроила не благо-нравие, а благочиние, полицию. При всей внешней «случайности» размещения слов в «Опыте», конечно, преднамеренно поставлены в конце слова «мир, тишина, покой», где иллюстрация имеет уже совершенно неприкрытый характер политической аллюзии; указав на частое употребление в церковных книгах слова мир, Фонвизин заключает всю свою статью так: «Давид, раздробляя (анализируя) понятия свои о добром правлении, говорит, что в нем «милость и истина сретостася, правда и мир облобызастася».¹

Еще более острый характер имели помещенные в том же журнале «Вопросы сочинителю былей и небылиц» (ч. III, стр. 161—166). «Былями и небылицами» называла Екатерина свои сатирические, мы бы сказали отсутствовавшим тогда словом, фельетоны, печатавшиеся в «Собеседнике» из книжки в книжку. «Вопросы» Фонвизина имеют много общего с «Опытом сословника»: они также «беспорядочно» расположены, в них также за безразличными и безобидными вопросами идут вопросительно выраженные политические намеки, они также связаны с кругом идей «Недоросля». Таков, напр., второй «вопрос» Фонвизина: «Отчего многих добрых людей видим в отставке?» Ответ Екатерины был уклончивый: «Многие добрые люди вышли из службы, вероятно, для того, что нашли выгоду быть в отставке». Давая подобный ответ, она, конечно, знала, что около этого времени выход в отставку был политической демонстрацией со стороны лиц, недовольных вакханалией фаворитизма. В короткий промежуток времени около 1781—1782 г. вышло в отставку несколько видных вельмож оппозиционно настроенных, как, напр., гр. П. И. Панин, гр. А. Р. Воронцов, а также близкие к ним люди, вроде Фонвизина, петербургского вице-губернатора И. Е. Глебовского и др.

Не менее язвительный характер имел вопрос 18: «Отчего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостью, потом же оставляются, а нередко и совсем забываются?»² Для

¹ Соч. Фонвизина, стр. 199; весь «Опыт» перепечатан там же, стр. 187—199.

² В изд. 1866 г. редактор П. А. Ефремов произвольно переменял счет вопросов: в оригинале дважды повторяется № 14; Ефремов, вместо второго № 14, поставил № 15; таким образом, № 18 у него означен № 19.

всякого мало-мальски политически сознательного русского человека тех лет смысл фонвизинского вопроса был ясен: речь шла о собранной в 1767 г. с большой торжественностью Комиссии для сочинения нового уложения, деятельности которой придавалось Екатериной сперва большое значение; в конце 1768 г. Комиссия, под предлогом начавшейся войны с Турцией, была временно распущена, с обещанием вскоре созвать ее вновь, подобные обещания повторялись несколько раз, и, наконец, о комиссии было вовсе забыто.

Особенно, как известно, возмущил Екатерину вопрос № 14-бис, метивший в одного из ее приближенных, Л. А. Нарышкина. Екатерина ответила Фонвизину не вполне вразумительно, но снабдила свой ответ многозначительной нотабеной: «Сей вопрос родился от свободоязычия, которого наши предки не имели». Эти (и прочие) ответы Екатерины вынудили Фонвизина публично объясниться. В статье «К г. Сочинителю Былей и небылиц от Сочинителя Вопросов» он, в форме покаянного письма, так искусно построенного, что до сих пор оно вызывает впечатление полной искренности и чуть ли не испуганности, продолжал борьбу с Екатериной. Он снова говорит о «злочравных и невоспитанных членах почтенного дворянского общества». С гневом и негодованием он казнит как раз те дворянские круги, подобные Скотининым и Простаковым, на которые опиралась в эти годы Екатерина, забывшая о медовом месяце своего либерализма. «Мне случилось по своей земле поездить. Я видел, в чем большая часть носящих имя дворянина полагает свое любочестие. Я видел множество таких, которые служат, или паче занимают место в службе для того только, что ездят на паре. Я видел множество других, которые пошли тотчас в отставку, как скоро добились права впрягать четверню. Я видел от почтеннейших предков презрительных потомков. Словом, я видел дворян раболепствующих. Я — дворянин, и вот что растерзало мое сердце».

Дальше Фонвизин говорит о возможной неумелости своей точно формулировать вопросы, «но, — продолжает он, — я думал честно и имею сердце, пронзенное благодарностью и благоговением к великим деяниям всеобщия нашей благотворительницы». Эти слова, проникнутые будто бы любовью и преклонением перед Екатериной, правда, выраженные несколько аффектированно, не могли убедить в их искренности тех, кто помнил уже цитированный выше отрывок из приведенного нашим автором «Похвального слова

Марку Аврелию»: «Не ослепляйся также и почитаниями. Если ты не будешь добродетелен, то почтен будешь наружно и ненавидим внутренно».

Под конец Фонвизин иронически расшаркивается перед Екатериной, ловко перебрасывая ей обращенное против него обвинение в «свободоязычии»: «Признаюсь, что благоразумные ваши ответы убедили меня внутренно, что я самого доброго намерения исполнить не умел и что не мог я дать моим вопросам приличного оборота. Сие внутреннее мое убеждение решило меня заготовленные еще вопросы отменить не столько для того, чтоб невинным образом не быть обвиняемому в свободоязычии, ибо у меня совесть спокойна, сколько для того, чтоб не подать повода другим к дерзкому свободоязычию, которого всею душою ненавижу».

Приведенное выше в извлечениях «покаянное письмо» Фонвизина оказывается, таким образом, лишь дальнейшим звеном в борьбе его с Екатериной.

Около этого же времени помещает Фонвизин в «Собеседнике» (ч. VII, стр. 32—39) «Поучение, говоренное в Духов день иереем Василием в селе П.», якобы записанное, по его просьбе, произнесшим это поучение деревенским священником. «Поучение» это представляет удивительно интересное произведение, написанное так, что многие приняли его всерьез. Вяземский, напр., говорит по этому поводу следующее: «Фонвизин показал пример, как писать нравственные и сатирические статьи для простолюдинов. Его «Поучение» статья образцовая в своем роде. Оно не по направлению своему, совершенно чуждому политики, но по искусству в отделке и по приноровке к понятиям простонародным, подходит к лучшим памфлетам Курье, знаменитого виноградаря».¹

Что же представляет собой это столь расхваленное Вяземским «Поучение»? Если не знать, что оно написано Фонвизиним и напечатано в 1783 г., можно было бы полагать, что перед нами образец поучения деревенского пастыря, подготовленный как иллюстрация для «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя. «Поучение» начинается с указания, что вчера был Троицын день и в церкви было очень многолюдно, а сегодня, в Духов день, собралось прихожан гораздо меньше. «Рассмотрим же, — говорит проповедник, — отчего сегодня церковь Божия так просторна? Отчего, напр., ты, крестьянин Сидор Прокофьев, пришел к обедне, может

¹ Вяземский. Фонвизин, стр. 265.

быть, и с умиленным сердцем, но с разбитым рылом? Отчего и ты, выборный Козьма Терентьев, стоишь, выпуча на святые иконы, такие красные и мутные глаза? Да посмотрим и на жену твою, Евдокию. Отчего она теперь всю обедню продремала?..» Причину всего этого иерей Василий видит в пьянстве, против которого и ополчается в первую очередь. «Поверьте, дети мои, — говорит проповедник, — что главный корень всякого зла в крестьянстве есть вино и пиво. (Взглянув на одного крестьянина, который взором показал свое неудовольствие). Вижу, вижу, что у тебя теперь на уме. Ты кивнул головою, думал: неужто и в праздник чарки вина выпить нельзя? Ах, окаянный ты Михейка Фомин. Да чарку ли ты вчера выглоттил? Если в наши грешные времена еще бывают чудеса, то было вчера, конечно, над тобою. Как ты не лопнул, распуча грешную утробу свою по крайней мере полуведром такого пива, какого всякий раб божий, в трезвости живущий, не мог бы, не сваяясь с ног и пяти стаканов выпить?»

Таково в основных чертах это своеобразное «поучение», которое с полным правом следует отнести в число драматических произведений Фонвизина. Это едва ли не первый в русской драматургии юмористический монолог вроде чеховской «лекции» «О вреде табака» и т. п. Образ сельского священника, повидимому, не менее нетрезвого, чем его прихожане, воспроизведен мастерски с его искренним, но малоуместным пафосом, с его смешением высокого славянского стиля с самым «низким» просторечием; стилистический эффект этого смешения весьма тонко рассчитан и безошибочен.

Но прав ли Вяземский в своей благосклонной и благонамеренной оценке «Поучения»? Можно в этом усомниться. Так, митрополит московский Филарет, касаясь этого произведения Фонвизина и признавая, что оно, повидимому, написано с доброй целью, чтоб удержатъ простой народ от пьянства, вместе с тем, обвиняет автора в кощунственном отношении к вопросу о чудесах. По поводу слов иерея Василия: «если есть чудеса и т. д.» Филарет писал: «В сем месте, кроме неприличных священной кафедре выражения и указания на лицо, чем наполнено все сочинение, автор возбуждает сомнение в действительности чудес, бывших во все времена церкви, и унижает самое достоинство их таким отвратительным применением».¹ Довольно сурово оценил «Поучение»

¹ Столпянский, П. Н. Гонение на Ломоносова и Фонвизина в XIX в. — Вестник всемирной истории, 1901, № 3, стр. 189

профессор Казанской Духовной академии, И. Я. Порфирьев, автор «Истории русской словесности», человек строго консервативных взглядов: «Поучение... отличается простотою, которая должна составлять существенную принадлежность сельской проповеди; но эта простота, к сожалению, доходит до шутовства, которое противно важности церковной проповеди и лишает ее серьезного значения. Автор упустил из внимания различие между театральной сценой и проповедью и написал не проповедь против пьянства, а в форме проповеди комическую сцену, изображающую, как крестьяне упиваются в праздники. Как комическая картинка поучение очень характерно, хотя местами карикатурно и грубо».¹

Такова оценка «Поучения» представителями церкви — Филаретом и Порфирьевым. Один резче («ничего, кроме кощунства»), другой чуть мягче («доходит до шутовства», «местами карикатурно и грубо»), — но одинаково отрицательно относятся к «Поучению».

Несколько любопытных замечаний об этом произведении Фонвизина сделал Алексей Н. Веселовский в своем «Западном влиянии в русской литературе». Он называет «Поучение» «карикатурной проповедью сельского попа, едва грамотного духовного вождя полупьяных крестьян. Личность бедного попа взята из того же комического альбома, где красуются Кутейкин с Цыфиркиным и бригадирша Акулина Тимофеевна, и самое большее, если автор имел в виду напомнить кому следует, что необходимо было бы несколько пообучить и пастырей и паству».² Таким образом, Веселовский хочет видеть в «Поучении» произведение, преследующее в какой-то, — очень ограниченной, — мере просветительские цели.

Повидимому, однако, суть дела лежала глубже. В 1772 г., вероятно, в связи с пугачевским движением, императрица повелевает Синоду составить сборник поучений на все воскресные и праздничные дни в году, чтобы по этому сборнику священники повсюду могли поучать народ вере и благочестию в столицах, городах и селах. Для составления сборника была составлена Комиссия из трех лучших тогдашних духовных ораторов, митрополитов Платона и Гавриила и архи-

¹ Порфирьев, И. Я. История российской словесности. Изд. III, Казань 1898, ч. II, отд. II, стр. 104.

² Веселовский, Алексей Н. Западное влияние в новой русской литературе. Изд. 5, М. 1916, стр. 62.

епископа Гедеопа. Сборник этот был издан в 1775 г., а через шесть лет, т. е. совсем незадолго до появления в «Собеседнике» фонвизинского «Поучения», была синодом издана «Книга кратких поучений о главнейших спасительных догматах веры и заповедях Божиих и о должностях, из разных святых отец и учителей собранная» (М. 1781).¹

На фоне этих официальных изданий духовного ведомства «Поучение, говоренное в Духов день иереем Василием в селе П.» представляло до известной степени пародию на замысел императрицы использовать полуграмотное сельское духовенство как аппарат для приведения крепостных в полное подчинение церкви и государству. Как же как не насмешку над официальными поучениями нужно рассматривать «поучение» с основным тезисом иерея Василия, что «главный корень всякого зла в крестьянстве есть вино и пиво»? А ведь только за год до этого, в «Недоросле» Фонвизин с простотой и непринужденностью истинно великого дарования показал убедительно и художественно, что «корень всякого зла в крестьянстве» есть крепостное право, есть неограниченный и при поощрении Екатерины возрастающий помещичий произвол. Можно ли более откровенно показать свою иронию? Да еще в правительственном журнале, так сказать, под недремлющим оком Екатерины...

31 марта 1783 г. умер начальник, покровитель и друг Фонвизина, гр. Н. И. Панин. Смерть его была для Фонвизина утратой исключительного значения. Он находит среди бумаг Н. И. предназначенное для Павла Петровича недоконченное «Завещание Панина», которое писал он сам отчасти под диктовку, отчасти руководствуясь указаниями Панина, и, зная, что Потемкин и Екатерина предпишут произвести обыск у Панина, чтобы изъять компрометирующие их документы, прячет как «Завещание», так и другие материалы у себя. Гр. П. И. Панину, брату Н. И. и другому свосму другу и единомышленнику. Фонвизин, сообщая о производстве в квартире Н. И. обыска под руководством гр. И. А. Остермана, с насмешкой пишет: «Тут нашлись старые сапоги, и великая душа его (И. А. Остермана) успокоилась».² Некоторое время спустя Фонвизин передает важнейшие документы гр. П. И. Панину, а тот пересылает «Завещание» Павлу Пе-

¹ Порфирьев. Цит. соч., стр. 389—390.

² Брикнер А. Г. Материалы для жизнеописания гр. Н. П. Панина. Спб. 1892, т. VII, стр. 276.

тровичу при сопроводительном письме, в котором попутно весьма лестно характеризует Д. И. Указав, что «Завещание» из-за смерти Панина не было закончено, П. И. продолжает: «Однако ж начатое им сохранилось от преследования в самый час смерти всех бумаг скончавшегося вернейшим к нему приверженцем Денисом Ивановичем Фонвизином, к которому брат мой имел полную доверенность, а господин Фонвизин оправдал передо мною собственно как оную, так и подданническую вернейшую свою преданность к вашему императорскому высочеству весьма достаточными опытами, ибо он, означенное брата моего рассуждение сохранив со всею верностью, отдал мне, коль скоро приехал я в Петербург, то потому и не могу я здесь пропустить без поручения господина Фонвизина в вашу монаршую милость и призрение, как человека притом с особливыми способностями к гражданской и политической службе». ¹

По указаниям историка Е. С. Шумигорского, «Завещание», несмотря на его сугубо секретный характер, все же стало распространяться в списках. Вероятно, в связи с этим находится примечательный эпизод, сообщаемый Вяземским: «Рассказывают, что Фонвизин, по заказу графа Панина, написал одно политическое сочинение для прочтения наследнику. Оно дошло до сведения императрицы, которая осталась им недовольною и сказала однажды в кругу приближенных своих: «худо мне жить приходится: уж и г-н Фонвизин хочет учить меня царствовать». ²

В 1784 г. Фонвизин издает сперва на французском, а несколько позднее на русском языке тепло написанную биографию своего покойного патрона: «Сокращенное описание жизни гр. Н. И. Панина». Впрочем, сам автор указывает, что по ряду причин он не может «открыть подробности всего того, что без сомнения чрез некоторое время история предать потомству не оставит».

В середине 1784 г. Фонвизин с женой предпринимает второе заграничное путешествие. По одному его письму к сестре (4 сентября 1784 г.) можно даже предполагать, что Фонвизины собирались окончательно поселиться в Италии, но они проводят здесь лишь около восьми месяцев. Театральные интересы Фонвизина в это время заслоняются присталь-

¹ Шумигорский, Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. Спб. 1907. Приложение I, стр. 2

² Вяземский. Фонвизин, стр. 285

ным вниманием к живописи, и письма его пестрят сведениями о виденных картинах и о посещенных собраниях произведений искусства. Если в 1777 г. он писал сестре: «я не знаток в живописи»,¹ то во время второго путешествия он только и пишет о том, что «лазил на чердак» к бедным живописцам, что «поутру явились по обыкновению многие артисты» к нему, что он осматривает коллекции, церкви, ратуши и дворцы. Впрочем, это увлечение живописью было связано у Фонвизина и с тем, что он незадолго до этого вступил в компанию с петербургским продавцом картин Клостерманом, оставившим, кстати сказать, воспоминания о Фонвизине, довольно бледные и не вполне точные, но сохранившие несколько нелишенных интереса частности.² Во время своего итальянского путешествия Фонвизин покупает в разных городах картины и отправляет их в Петербург Клостерману.

Но как мало ни уделял Фонвизин времени театру в Италии, он все же посещает и комедию, и оперу комическую и серьезную. В Пизе Фонвизины нашли французскую оперу. Игру актеров Фонвизин судит строго: «Певицы и певцы есть очень хорошие, но столбы неподвижные: ни руками, ни ногами не владеют».³ Замечания его обличают человека, не только обращающего серьезное внимание на все подробности театрального дела, но и умеющего беспристрастно оценить виденное: «Декорации очень великолепны, но освещение плохо: антрепренер жалеет денег. Танцы состоят в одном скаканье. Скакуны пристрашные и обыкновенно ремесло свое кончают тем, что ломают себе ноги. Спектакли очень редко переменяют: одну оперу сряду раз сорок играют. Поистине сказать, в Петербурге ни серьезные, ни комические итальянские оперы не хуже здешних».⁴

В Риме Фонвизин был очень болен, и как следствие этой болезни у него остались слабость нервов и онемение левой руки и ноги. На возвратном пути Фонвизины посетили Москву, и здесь 29 августа 1785 г. его разбил паралич, отнявший у него навсегда свободное употребление языка и владение левой стороны тела. На сильные головные боли он жаловался постоянно и в письмах, начиная с 1760-х гг., и в «Чистосердечном признании». Вяземский, собравший сведения о Фонвизине от лиц, непосредственно знавших его, так объ-

¹ Соч. Фонвизина, стр. 415.

² Русский архив, 1881, т. III, стр. 291—299.

³ Соч. Фонвизина, стр. 483.

⁴ Там же, стр. 483.

ясняет паралич Фонвизина: «Жизнь его довольно неумеренная, невоздержность в удовольствиях стола и в других чувственных наслаждениях не могли способствовать к исправлению немощей природного сложения его».¹

Материальные дела Фонвизина в это время приходят в расстройство, а врачи снова отправляют его за границу лечиться. Письма его из третьего путешествия (1786—1787) полны жалоб на финансовые затруднения и просьб о займе и высылке денег. Состояние здоровья не улучшается. Из Карлсбада, где Фонвизин пил минеральные воды, он едет в Венгрию на купанья: «Еду за тем, чтоб после самому себя не упрекать, пропустя случай возвратить руку, ногу и язык, без чего истинно жизнь моя мне в тягость», — пишет он сестре из Карлсбада 27 мая 1787 г.²

В сентябре 1787 г. Фонвизин возвращается на родину, несколько оправившись. Постепенно втягивается он снова в литературную работу. Он переиздает в течение 1787—1788 гг. свои старые переводы: «Басни нравоучительные» Л. Гольберга, «Сифа» Террассона, «Сиднея и Силли» Арно и «Иосифа» Битобе. Возможно, что столь сконцентрированное на коротком промежутке времени переиздание прежних работ связано было у Фонвизина с материальными его затруднениями. Затем Фонвизин делает попытку начать издание журнала. Журнал должен был называться «Друг честных людей, или Стародум». Представив в Петербургскую управу благочиния первую часть «Друга честных людей» для цензурного рассмотрения, Фонвизин уже в начале апреля 1788 г. сообщал гр. П. И. Панину: «Здесьняя полиция воспретила печатание Стародума; итак, я не виноват, если он в публику не выйдет».³

Но не только неприязнь Екатерины к Фонвизину за его дерзкие «Вопросы», опубликованные в «Собеседнике», была причиной запрещения «Стародума»: и самое содержание нового журнала было таково, что в годы потемкинских режима его издать было невозможно. Уже самое название журнала, несмотря на полемику Екатерины с Фонвизиным-Стародумом, подчеркивало, что то новое, свидетелем которого был автор «Недоросля» и которое выдавалось Екатериной за успехи цивилизации, его неудовлетворяло. Обращение к

¹ Вяземский. Фонвизин, стр. 115

² Соч. Фонвизина, стр. 504.

³ Там же, стр. 356

«честным людям» еще больше подчеркивало неприятие потемкинской действительности, и совсем угрожающе звучало посвящение журнала — Истине.

В самом деле, по своему содержанию, по своему общественному пафосу, по своей исключительно-художественной форме «Друг честных людей, или Стародум» представляет выдающееся явление в русской журналистике и, может быть, не только XVIII в. В печатном объявлении о предполагаемом издании говорилось: «Напрасно было бы предварять публику, какого рода будет сие сочинение, ибо образ мыслей и объяснения Стародума довольно известны».¹

Действительно, в сохранившейся первой части журнала видно строгое единство направления, полная идеологическая выдержанность, целиком совпадающие с позицией Фонвизина в «Недоросле» и «Вопросах сочинителю Былей и небылиц». С первым объединяет журнал Фонвизина не только идеологическая общность, но и то, что в качестве сотрудников издания фигурируют некоторые персонажи великой комедии, например, Стародум, Софья, Тарас Скотинин; с «Вопросами» роднит «Друга честных людей» ряд идей, а иногда и формулировок, знакомых нам по «Собеседнику». Такова, например, мысль о роли вольных типографий, о «рабских душах, обитающих в теле знатного вельможи» и т. д.

Но «Друг честных людей» не представлял бы интереса, если бы только повторял прежнего Фонвизина: ценность этого журнала заключается именно в дальнейшем развитии художественного дарования автора. Некоторые страницы «Друга честных людей» являются лучшим из того, что создано было русской литературой XVIII в. Такова, например, «Всеобщая придворная грамматика», бичующая ирония которой достигает максимальной силы художественной выразительности и гражданской смелости. Таково «Письмо Тараса Скотинина к родной его сестре госпоже Простаковой», в котором Фонвизин, расширенно используя образы прежних своих героев, уже намечает методы салтыковской сатиры: Скотинин сообщает сестре о смерти своей любимой свиньи Аксиньи, названной из сыновнего почтения именем покойной матери; «сие несчастное приключение, — пишет Тарас Скотинин, — переменяло совсем нрав мой. Мне свет опостылел. Я чувствую, что потерял прежнюю мою к свиньям охоту; но надобно чем-нибудь заняться». И вот нравственно переро-

¹ Там же, стр. 227.

дившийся Скотинин, как будущие герои Щедрина, начинает чувствовать в себе склонность к этическим проблемам; «Хочу прилепиться к нравоучению, — пишет он сестре, — то есть, исправлять нравы моих крепостных людей и крестьян; но как к достижению сего лучше взяться за кратчайшее и удобнеее средство, то находя, что словами я ничего сделать не могу, вознамерился нравы исправлять березой». Гротескный образ Тараса Скотинина — насаждителя нравственности должен быть причислен к совершеннейшим созданиям антикрепостнической сатиры. Но возможно, что в «Письме Тараса Скотинина» Фонвизин хотел также осмеять теории Екатерины по воспитанию «новой породы людей» в условиях крепостнической действительности, как бы говоря, что при сохранении власти в руках помещиков всякие попытки в данном направлении волей-неволей обратятся в «исправление нравов березой» по методу Тараса Скотинина.

Еще более заострено против екатерининского режима «Письмо надворного советника Взяткина». Этот надворный советник представляет несомненно дальнейшее развитие образа Советника из «Бригадира» — тот же елейный тон, та же манера пересыпать речь своеобразно примененными церковными текстами, та же хищническая ухватка, та же отвратительная подьяческая этика. Но, если в «Бригадире» потомство Советника, в лице Софьи, не повторяет отцовских пороков, поскольку это вполне разрешалось классической теорией, в «Письме Взяткина» сделан решительный шаг в сторону реалистического изображения действительности. Фонвизину, конечно, была очевидна несообразность появления добродетельной Софьи в семье алчного ханжи Советника; скорее можно было допустить иное, более близкое к реальной жизни эпохи — появление еще больших взяточников и лихоимцев. И вот в своем письме Взяткин характеризует своего сына Митюшку, который, — по его словам, — «к приказным делам весьма сроден, уже под моим смотрением сочинил совсем нового рода сводное уложение, приискав на каждое дело по два указа, из коих по одному отдать, а по другому отнять ту же самую вещь неоспоримо повелевается».

Надо не забывать, что во вторую половину екатерининского царствования всякого рода напоминания о разогнутой Комиссии для сочинения нового уложения воспринимались, как дерзкие выпады против императрицы. А в цитированном отрывке из письма Взяткина как раз содержатся подобные

намеки. В то время, как правительство вынуждено было отказаться от ранее поставленной цели, молодой подьячин «сочинил совсем нового рода сводное уложение». Иными словами, екатерининское царствование оказалось только на руку тем самым элементам, против которых выступала Екатерина на словах.

«Письмо Взяткина» реалистически разрушало еще одну иллюзию. Обычно сатира екатерининского времени считала и изображала плутами, взяточниками и мошенниками мелких подьячих, идеализируя, не без влияния «Всякой всячины», вельмож и даже более или менее крупных чиновников. «Письмо Взяткина» обращено к «милостивцу» «покойному его превосходительству» и помечено не каким-нибудь задним числом, позволяющим хотя бы из цензурных соображений отнести сатиру к царствованию Елизаветы или даже Анны Ивановны; дата, выставленная в начале «письма», — Москва 1777 — подчеркивала неприкрытость нападения, а близость ее ко времени, непосредственно следовавшему за подавлением движения Пугачева, как бы показывала связь между ними. В своем «письме» Взяткин обращается к его превосходительству с поздравлением по поводу того, что адресат «так сказать, из ничего, по единой божеской благодати, слепым случаем, произведен в большой чин и посажен знатным судьей, весьма в непродолжительное время и без всяких трудов, по единой милости создателя, из ничего всю вселенную создавшего». При умении читателей XVIII в. делать широкие выводы из сатирических нападок современных писателей цитируемое место не могло не восприниматься, как явная критика фаворитизма, господства «случая», делавшего «из ничего» вчерашних незаметных людей «знатными особами» «Ответ» его превосходительства показывал, что Фонвизин разрушил старую традицию идеализации доблестных сановников, обнаруживая в «произведенном в большой чин» те же черты, которые подвергались осмеянию в подьяческой мелюзге.

Наконец, характеризуя неосуществленный в печати, но известный в списках журнал Фонвизина необходимо отметить статью, в которой проводится мысль о конституции западноевропейского образца. Выражена эта мысль очень осторожно. Между молодым вельможей, пишущим стихи на французском языке (не кн. А. М. Белосельский-Белозерский ли имеется здесь в виду?), и его собеседником идет спор, есть ли в России ораторы. Стародум, сообщая об этом изда-

телю, ставит вопрос о причинах действительно слабого развития у нас ораторского искусства. Он приходит к выводу, что «истинная причина малого числа ораторов есть недостаток в случаях, при коих бы дар красноречия мог показаться. Мы не имеем тех народных собраний, кои витии большую дверь к славе отворяют и где победа красноречия не пустою похвалою, но претурою, архонциями и консульствами награждается. Демосфен и Цицерон в той земле, где дар красноречия в одних похвальных словах ограничен, были бы риторы не лучше Максима Тириянина, а Прокопович, Ломоносов, Елагин и Поповский в Афинах в Риме были бы Демосфены и Цицероны. Намекая, таким образом, что государственное устройство монархически-крепостнической России является причиной отсутствия у нас политического красноречия, Фонвизин устами Стародума утверждает далее, что существующие на лицо задатки свидетельствуют о том, «какого рода и силы было бы российское красноречие, если бы имели где рассуждать о законе и податях и где судить поведения министров, государственным рулем управляющих».

Насколько смела была в годы потемкинского режима даже так контрабандно, так сказать, проведенная мысль о парламенте, ясно само по себе. «Друг честных людей, или Стародум» был слишком передовым, даже радикальным по тому времени журналом, и потому он не был разрешен к изданию.

Дошедшие до нас наброски других произведений Фонвизина, главным образом, пьес, относящиеся, по мнению его биографов, к последним годам жизни, не представляет интереса. Как в них, так и в написанном в 1791 г. при известии о смерти Потемкина «Рассуждении о суетной жизни человеческой» и, наконец, в писавшемся тогда же «Чистосердечном признании о делах моих и помышлениях» мы видим угасание — когда-то, еще совсем недавно, могучего дарования. Больной, одинокий (гр. П. И. Панин умер в 1789 г.), полный тревоги за свою будущность, опасющийся подвергнуться участи Ф. Кречетова, Радищева, Княжнина и др., Фонвизин старается смягчить Екатерину, пишет ей недошедшие до нас письма,¹ пытается представить свое прежнее религиозное вольномыслие и политическое свободомыслие невинными и кратковременными заблуждениями неопытного юноши, окруженного ложными друзьями и знакомыми, соблазняющими его своими

¹ Вяземский, Фонвизин, стр. 235.

ветренными и богохульными речами. Так возникает «Чистосердечное признание», распространявшееся Фонвизиним в рукописи еще при жизни и вызвавшее насмешливые сомнения современников в искренности их автора.¹

Последний год жизни Фонвизина был для него очень тягостен. «Его видят, его худо разумеют, им, быть может, и скучают», — пишет 5 ноября 1791 г. Н. Н. Бантыш-Каменский кн. А. Б. Куракину.² Сохранился относящийся, правда, к более позднему времени рассказ поэта И. И. Дмитриева о встрече с Фонвизиним 30 ноября 1792 г., накануне смерти писателя. Нельзя, конечно, упускать из виду, что сентименталист Дмитриев окрасил свои воспоминания в тона, отвечающие его религиозным и политическим взглядам. Но даже с этой поправкой картина получается тяжелая.

1 декабря 1792 г. Фонвизин умер. Жена его осталась в глубокой бедности и умерла в 1796 г. Детей у них не было.

8

За Фонвизиним с первых же шагов его литературной деятельности упрочивается известность, переходящая затем в длительную, постоянную славу. Из всех драматургов XVIII в. один только он вошел в активный фонд русского театра, из всех пьес XVIII в. один лишь «Недоросль» предстает перед глазами многих поколений зрителей XIX и XX вв. Именно в этом смысле нужно понимать слова Пушкина, назвавшего «Недоросль» — «народной комедией» и «единственным памятником народной сатиры». Она вошла навеки в сокровищницу национальной русской культуры, и до сих пор по ней можно судить не только о «барстве диком» XVIII в., но и о рецидивах и аналогиях Простаковым, Скотининым и недорослям Митрофанушкам, Вральманам и Кутейкиным и в наше время. Эта живучесть впервые Фонвизиним схваченных типов русской жизни, эта способность их в трансформированном виде появляться спорадически то там, то тут, наконец, эта жизненность образов при полной историчности фабулы — все это объясняет художественную силу, этот неиз-

¹ Подробнее об этом я говорю в статье «О „Чистосердечном признании“ Фонвизина», в Научном бюллетене Лен. Гос. ун-та, 1945, № 5.

² Русский архив, 1876, т. III, стр. 270.

менный успех «Недоросля» у зрителя и читателя. Большое значение имело изображение на сцене также и передовых русских людей того времени, как Стародум, Правдин, Софья, Милон.

Но было бы неверно сводить всю деятельность и все заслуги Фонвизина перед русской культурой к одному только «Недорослю». Не будет парадоксом утверждение, что для русской (и тем самым и для мировой) культуры Фонвизин ценен и сам по себе как личность, как особый тип писателя. Если бы нужно было определить характер Фонвизина одной краткой формулой, было бы вполне справедливо сказать «честный писатель». И его патриотизм, и его гуманизм, и его страстный темперамент борца-литератора — все это лишь формы проявления единой его сущности, исключительной писательской честности. Ей обязан он тем, что неприкрашено, без идеализации рисовал современную ему русскую жизнь, этой же честностью была обусловлена его высоко принципиальная, непримиримая борьба со всякими проявлениями человеческой подлости, своекорыстия и политического и нравственного цинизма. Из писательской честности Фонвизина родился его реализм, непохожий еще на реализм XIX в., но все же несомненный, настоящий и сильный.

Реализм Фонвизина выкристаллизовался в процессе его борьбы с екатерининской реакцией, с «развращением нравов», с безразличием к судьбе народа и государства и с эгоистической моралью правящего класса. Преданный единомышленник Панина, он, как свидетельствует племянник его, декабрист М. А. Фонвизин, в своих взглядах на крестьянский вопрос был радикальнее своего патрона. И затем надо помнить, что Фонвизин не был просто слепым последователем Панина, а, напротив того, пришел к Панину с определенным мировоззрением, укрепленным переводом «Сифа» и «Альзиры», «Корионом», «Посланием к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке»; не случайно Панин, прежде чем пригласить его к себе на службу и сразу сделать личным секретарем, «старался, — как говорит Фонвизин, — узнать не только то, какие я имею знания, но и какие мои моральные правила». Таким образом, Фонвизин жил не отраженным светом идей Панина, но они общались как равные, как единомышленники в прямом смысле слова.

Реализм Фонвизина вырос и из его честного отношения к эстетическим теориям того времени. Ставя своей задачей, подобно Лукину, «исправлять нравы», Фонвизин понял, что для этого необходимо прежде всего изображать нравы в соответ-

ствии с действительностью, рисовать «натуру». Отсюда и происходит пересмотр действовавших тогда эстетических теорий — от изображения «характеров» к изображению «нравов», т. е. от комедии психологической к социально-психологической.

Этот поворот, поставивший русское драматическое искусство на новый, правильный и плодотворный путь, был облегчен Фонвизину ознакомлением его с театральными воззрениями Дидро и, возможно, Мерсье об общественных условиях. Таким образом, русская действительность, с одной стороны, и общеевропейское прогрессивное течение в области театральной эстетики с другой — определили и сформировали философию искусства Фонвизина.

Реализм Фонвизина не имел статического, описательного характера. Аксиоматически прав Белинский, утверждая, что «всякое отрицание (в искусстве), чтобы быть живым и деятельным, должно делаться во имя идеала». Патриотический идеал свободной и счастливой, разумно управляемой и трудящейся родины озарял и согревал сатирическое творчество Фонвизина. Поэтому его реализм, не холодный и равнодушный, а гневный и негодующий, был пропитан политическим пафосом. То, что обычно представляется в творчестве Фонвизина, в особенности в «Недоросле» как две разные струи: резонирующая мораль и т. наз. «сочный» быт, на самом деле едины, являются двумя сторонами целостного процесса, так как «быт», «нравы» Фонвизин понимает как производное, как результат «политики», образа правления, примера государя и т. д.

Эстетические, общеполитические и политические взгляды Фонвизина заставляли его не оставлять ничего без своего внимания. И воспитание, и семейная жизнь, и долг дворянина и вообще честного человека, и положение крепостных, и развитие русского ораторского искусства, и проблемы экономического развития России и т. д. и т. д. — все это лишь отдельные аспекты того, что стоит в центре внимания Фонвизина. У его предшественников — Сумарокова и Хераскова — вопрос решался иначе: для Сумарокова — в центре внимания писателя должно стоять «общество», т. е. дворянство; для Хераскова — нравственно самосовершенствующийся, аполитичный «человек». Фонвизин не следует ни за тем, ни за другим. Для него образцом является Ломоносов, ставящий в центре своего поэтического внимания общественно-активного человека, гражданина, патриота.

Эстетическая реформа Фонвизина не могла не повлиять и на его отношение к столь важному вопросу в классической теории, как жанры. Той строгой иерархии и разграниченности жанров, которая была характерна для Сумарокова и даже для Хераскова, Фонвизин противопоставил в своей практике жанровую зыбкость, он пользуется в «Недоросле» принципами «серьезной комедии» с ее почти катастрофической развязкой, он создает новые жанры, вроде монологического «Поучения иерея Василия», вроде «Придворной грамматики», вроде «Опыта российского сословника» и т. д. Но и эта ломка эстетики жанров диктовалась логикой политической борьбы, подсказывавшей писателю наиболее действенные литературные формы.

И именно под влиянием своей эстетики политической борьбы, а не под воздействием ломоносовского учения о трех штилях, создает Фонвизин особый, выразительный и почти не устаревающий (в бытовых в особенности партиях) язык. Он изучает язык народа, пользуется подслушанными на улице удачными словами, не боится введения иностранных обще-европейских терминов (аспект, ансамбль, машинальный и др.). Таким образом, язык Фонвизина на фоне архаизирующих тенденций 1770-х—1780-х гг. представлял явление безусловно прогрессивное. Несомненный, несмотря на свой политический консерватизм, знаток литературы XVIII в., С. П. Шевырев в речи на юбилее кн. П. А. Вяземского справедливо сказал «Фонвизин своею прозою предсказал Карамзина».¹

Совершенно не разработан в нашей историко-театральной и историко-литературной науке вопрос о «школе Фонвизина», не прослежены и не изучены воздействия его эстетических принципов на современную и последующую комедию. Только как на курьез обращали внимание на всякие «продолжения» «Недоросля». А между тем и в творчестве молодого Крылова, и у Радищева, и у Плавильщикова, и у других писателей конца XVIII в. можно найти больше, чем простые отклики на произведения Фонвизина. Образ его как смелого и целеустремленного, принципиального писателя, «честного писателя» импонировал передовым литературным деятелям тех лет, и обаянию его они поддавались то в большей, то в меньшей степени. И именно за это ценил его Пушкин.

¹ Барсуков, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб 1897, т. XI, стр. 164.

Много сделал Фонвизин для русского театра, для русской литературы, для русской культуры. Долг советской науки раскрыть все огромные ценности, оставленные в наследство поколениям бессмертным Денисом.